

ДВА ЖЕНСКИХ ПОРТРЕТА НА ФОНЕ БОЛЬНИЧНЫХ ИНТЕРЬЕРОВ КОЛОНИАЛЬНОЙ АФРИКИ

© 2021 Л.Л. Фитуни

ФИТУНИ Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Африки Российской академии наук. Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, e-mail: africa.institute@yandex.ru

Аннотация. Статья исследует судьбы двух русских женщин-врачей, работавших в 1920-е – 1930-е гг. во Французской Западной и Французской Экваториальной Африке. Цель исследований не только подробно рассказать читателю о жизненном пути и работе в Африке двух русских эмигранток первой волны, но и взглянуть на анализируемый исторический материал с точки зрения женского опыта и понимания специфических социальных и личностно-психологических жизненных коллизий, проистекающих из гендерно детерминированных обстоятельств их эмигрантского бытия.

Ключевые слова: история русской эмиграции, женские исследования, женская история, гендерная история, гендерные отношения, феминизм, колониальная медицина, Е.Б. Биркган, А.М. Федосеева-Кривопаатрия

DOI: 10.31132/2412-5717-2021-55-2-104-135

Вступление

Эта статья о двух русских женщинах-врачах, эмигрировавших после революции 1917 г. во Францию, а потом долгие годы проработавших в ее колониальных владениях в Тропической Африке. Об одной из них, Евгении Борисовне Биркган, в обширной российской научной и публицистической литературе, объединяемой ныне термином “*emigrantica*”, до настоящей статьи не было написано ничего. Между тем, внимания к ее жизненной истории и гендерному опыту заслуживает уже одно то, что эта женщина в 1925 г. решилась отправиться в далекий Габон, где 14 лет находилась на переднем крае борьбы с эпидемиями и инфекционными заболеваниями. В тяжелейших условиях экваториальной Африки это и сегодня остается крайне сложным участком медицинской службы, а тогда от него шарахались даже мужчины-врачи.

В Габоне на заре становления системы борьбы со многими неизвестными европейцам инфекционными заболеваниями, включая сонную болезнь, Е.Б. Биркган наладила (а по сути, ввела сама) работу единственной в колонии микробиологической лаборатории. Она была практиком и, насколько известно, не оставила после себя научных трудов. Однако исследовательские статьи большинства светил французской медицинской науки на тему сонной болезни практически все основывались в те годы на результатах ее лабораторных исследований и статистике анализов, которую она педантично вела. К сожалению, только единицы из этих ученых сочли необходимым прямо упомянуть ее имя в своих работах и сослаться на ее лабораторные материалы как на первоисточник. Большинство в лучшем случае упоминало «русскую женщину-врача, руководящую лабораторией в Либревиле». С другой стороны, среди тех, кто, соблюдая научную этику, прямо называет ее имя, двое известнейших французских врачей, ученых мирового уровня той поры, внесших решающий вклад в исследование сонной болезни и борьбу с ней – генерал Ледантю (*Ledentu*), глава Медико-санитарной службы Французской Эква-

ториальной Африки [1] и доктор Тардиф (*Tardif*), руководитель медслужбы колонии, служивший во второй половине 1920-х гг. главным врачом Габона [2].

Другая героиня данного очерка, Анастасия Матвеевна Федосеева-Кривопатрия работала врачом-стоматологом во Французской Западной Африке. Ее имя, в отличие от Е.Б. Биркган, неоднократно упоминалось в исследовательской и особенно в популярной литературе о «белой эмиграции», чаще всего в увязке с именем ее дочери от первого брака – Людмилы Леонидовны Федосеевой, ультрамодной парижской манекенщицы и фотомодели, носившей псевдоним Мадмуазель Люд (*Mlle Lud*) и блиставшей на подиумах в тридцатых-сороковых годах прошлого века.

Как А.М. Федосеева (т.е. без упоминания двойной фамилии, которую она приняла во втором браке¹) наша героиня включена в ряд известных биографических справочников о русских эмигрантах первой волны, в том числе в ставший общедоступным благодаря интернету трехтомный биографический словарь «Российское зарубежье во Франции (1919–2000)» под общей редакцией Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской [3].

Многочисленные статьи о дочери Анастасии Матвеевны в популярных журналах и книгах, рассказывающих о русских красавицах времен эмиграции, неизбежно касались отдельных эпизодов жизни нашей героини, естественно, в связи с перипетиями судьбы ее знаменитой дочери. Однако, так же как о Е.Б. Биркган, специальных исследований об Анастасии Матвеевне не было, а африканский этап ее долгих скитаний по миру и вообще был окутан тайной. Между тем, она работала в Африке зубным врачом почти 7 лет: в Верхней Вольте, Французском Судане и Береге Слоновой Кости (ныне соответственно Буркина Фасо, Мали и Кот-д’Ивуар). Побывала также в Сенегале, Тунисе, Египте.

Эмигрантские исследования: проблематизация женской субъективности

Цель данной статьи – не только рассказать читателю о жизненном пути и работе в Африке двух русских эмигранток первой волны, но и взглянуть на анализируемый исторический материал с точки зрения женского опыта и понимания специфических социальных и личностно-психологических жизненных коллизий, проистекающих из гендерно детерминированных обстоятельств их эмигрантского бытия.

Автор стремился оставаться в сфере исследования исторической повседневности, то есть в научном поле той отрасли исторического знания, предметом изучения которой является область человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, и социально-психологических контекстах. Эта сфера применительно к избранной автором теме и предмету исследования включает три конкретных взаимопроизводящих измерения-слоя: история русской эмиграции, история колониальной Африки и женские исследования в современном научном понимании термина.

Оговоримся, что, анализируя женский социальный опыт во французской колониальной Африке первой трети XX века, автор, будучи мужчиной, не берется анализировать «внутренность» женского сообщества, женское письмо, женскую идентичность, женскую аксиосферу, женское видение мира и т.д. Подобная попытка, будь она даже удачной, неизбежно вызвала бы неприятие результатов и широкую критику как пример перехода через допустимые для маскулинного анализа «красные линии» в женских исследованиях. Поэтому в основу методологии исследования заложены анализ и интерпретация в первую очередь личностного женского опыта русской эмигрантки, обладающей высшим образованием и дипломом врача, на фоне крайне слабо изученного в отечественной исторической науке социоантропологического среза бытия европейского

¹ Однозначной ясности в вопросе двойной фамилии нет. В личном архиве автора статьи имеются копии официальных документов за период с 1925 г. по 1949 г., в которых Анастасия Матвеевна фигурирует и как просто А.М. Кривопатрия, и как Федосеева-Кривопатрия, и как просто Федосеева.

колониального чиновничества и лиц свободных профессий во французских колониях в Тропической Африке.

Героини данного очерка – Е.Б. Биркган и А.М. Федосеева-Кривопатрия – наши соотечественницы-эмигрантки первой волны, много лет проработавшие врачами во французских колониях в Тропической Африке, а потом вновь вынужденные скитаться по свету, могут считаться живым воплощением популярного феминистского нарратива *номады*. Правда, столь часто цитируемая в нынешних женских исследованиях в этой связи мантра Вирджинии Вульф: «я женщина – и потому у меня нет страны, я женщина – и мне не нужна страна, я женщина – и моя страна – это весь мир»², верна в отношении наших героинь лишь отчасти (если можно так сказать, лишь на две трети). После 1917 г. у них действительно не было страны, и их страной воистину оказался весь мир, но, вопреки цитате, известной как кредо довоенного феминизма, страна была им все же нужна. Именно в поисках страны каждая из них проведет весь оставшийся после отъезда из России отрезок жизни.

Возможно, будь у Биркган и Федосеевой страна, их повседневность не превратилась бы по иронии судьбы в последовательность вынужденных побед над консервативной андрократией французской колониальной администрации и в непреднамеренное расшатывание непреложного досель маскулинного контроля внутри профессионального медицинского сообщества.

В контексте исторических реалий и фактических возможностей, имевшихся у двух женщин, выкинутых по прихоти истории из предыдущей «нормальной» ткани бытия, выбор ими профессионального пути и даже географического ареала (Африки) для того, чтобы гарантировать себе самодостаточное положение в андроцентричном обществе и латентно ксенофобном окружении, нельзя не рассматривать вне контекста гендерного бунта (осознанного или нет, стихийного или вынужденного).

Сама необходимость выживания в суровой среде эмиграции заставила Е.Б. Биркган и А.М. Федосееву-Кривопатрию пойти путем едва ли не ежедневного преодоления препятствий, созданных иерархиями, социальными установками и условностями, которые и в «ревущие двадцатые» прошлого века продолжали удерживать женщин, даже принадлежащих к социальной группе лиц свободных профессий, в роли субалтерных, бесправных, зависимых от мужчин людей второго сорта и к тому же неграждан. Это преодоление стало профессиональной и бытовой повседневностью наших героинь.

Белая женщина в Черной Африке

Если вдуматься, то отъезд на работу в африканские колонии сам по себе был для белой женщины первой половины прошлого века по сути формой протеста, пусть и вынужденного. Кто из европейек решался в те времена отправиться на длительное время жить в Африку? Прежде всего, это были жены и дочери колониальных чиновников и в меньшей степени военных. При этом далеко не все из них постоянно проживали со своими супругами и отцами. Как правило, большинство приезжало к своим мужчинам лишь на месяц-другой в году, так сказать ради взаимного исполнения вахтовым методом супружеских обязанностей или выражения дочерней любви, демонстрации окружающему обществу крепости законного брака и семейных уз.

Вторая группа приезжающих в Африку белых женщин на протяжении длительного времени состояла в основном из ссылаемых или решивших сменить поле деятельности нарушительниц закона, «дам сомнительных профессий», а также в значительно меньших количествах женской прислуги и компаньенок, которые в силу безвыходного положения перебирались в колонии вместе с хозяйками – женами чиновников и

² В англ. оригинале: “...As a woman, I have no country. As a woman I want no country. As a woman my country is the whole world...” [4].

офицеров. Миссионерами в основном были мужчины, однако в последнее десятилетие XIX века некоторые женские монашеские ордены и конгрегации начали разрабатывать планы создания миссий и даже женских обителей в Тропической Африке, а для этого нужны были, как минимум, белые настоятельницы и частично сестры-нагельницы.

Французские власти и значительная часть интересующегося политикой общества понимали, что реальная европейская колонизация требует налаживания женской эмиграции из метрополии в Африку. Причем едва ли не решающим аргументом в этом контексте была ссылка на то, что Англия ее уже наладила, и Франция не имеет права отставать. В 1897 г. было создано Французское общество женской эмиграции в колонии (*La Société d'émigration des femmes aux colonies*), в рамках которого мужчины во главе с графом д'Осонвиллем (*le comte d'Haussonville*) несколько лет разрабатывали подходы к критериям и к организации переселения женщин, в том числе и в Африку.

Французское общество отнеслось к начинанию неоднозначно. Прогрессивные издания и появившиеся к тому времени феминистские объединения приветствовали начинание. В то же время в публичных политических дебатах и в консервативной прессе преобладало мнение: «*Pas une femme respectable ne témoignera le désir d'émigrer!*»³ Делались прогнозы, что к помощи вновь создаваемого Общества обратятся лишь «авантюристки да девицы с запятнанной репутацией, которых больше не желают видеть в брачных агентствах». Они, мол, станут печальным подарком для колоний.

Подобные озабоченности в какой-то мере должны были смягчить контроль над «качественным составом» потенциальных эмигранток. Мужчины-инициаторы предусмотрели определенные процедурные требования и фильтры. Например, от женщин, желающих переселиться в колонии, в обязательном порядке требовалось прохождение медицинского освидетельствования на предмет возможности жить в тропическом климате, что должно было подтверждаться соответствующей справкой. Нужны были также: справка от лица, занимавшегося ее образованием, с подтверждением факта получения последнего, а заодно и благонравия кандидатки, справка от нанимателя с предыдущего места работы, свидетельствующая об удовлетворительных деловых (рабочих) качествах кандидатки. Подчеркивалось, что «в отличие от практики англичан», Общество не будет требовать еще двух документов: справок-характеристик из магистратов (судебных властей) и из церковного прихода соискательницы [5].

Однако желающих оказалось немало, что отражало беспрецедентный рост женского самосознания во французском обществе на рубеже XIX–XX веков. Уже в первые шесть месяцев деятельности Общества (1898 г.) от француженок было получено 575 заявок на эмиграцию в колонии. Среди претенденток было «68 учительниц, гувернанток и компаньенок, 67 служащих, 25 акушерок (повитух), 1 женщина-врач, 1 дантист, 78 портних и швей, 20 модисток, 16 женщин-поваров и кухарок, 78 горничных, 19 из числа «прислуги в ответе за все», 30 женщин, не имевших профессии [6].

Для французских властей первичная и, возможно, главная задача организации миграции «самостоятельных» (т.е. одиноких) женщин в заморские владения в конце XIX в. виделась в обеспечении уже осевших в значительных количествах в Африке (особенно в Северной) французских колонистов-мужчин возможностью завести семью и «пустить корни». Однако, как показали первые 20 лет XX века, сами эмигрантки, даже те, кто по приезду выходил замуж, в массе своей предпочитали сохранять за собой независимый источник дохода – основу гендерной самостоятельности – и поэтому продолжали работать. Многие начинали со временем собственный бизнес – торговый, образовательный, медицинский, швейный и т.д. Деловой активностью данная гендерная страта отличалась от сегмента «мужних жен», смиренно следовавших в колонии за

³ «Ни одна респектабельная женщина не проявит желания эмигрировать! (франц.).»

своими военными и гражданскими супругами и в основном не трудившихся ни ради пропитания, ни во имя обладания независимым доходом.

Уже в конце второго десятилетия XX в. работающие женщины-европейки перестают быть в африканских колониях Франции чем-то необычным. Их все еще довольно мало, но они присутствуют и трудятся и в крупных центрах колониальной администрации, таких как Дакар, Конакри или Браззавиль, и в сравнительно небольших городах, и даже в некоторых военных форпостах в африканской глубинке.

Е.Б. Бирган изъявляет желание работать в Тропической Африке в качестве врача в 1924 г., в год смерти графа д'Осонвилля, когда только появились первые неподтвержденные слухи о возможности открытия таких вакансий. К этому времени французские власти уже в рутинном порядке нанимают женщин на работу в колонии и особо не чинят в этом плане гендерных преград, за исключением некоторых запретов, связанных с тогдашними представлениями о лимитирующих возможностях женского организма. Но эти вновь обретенные права и свободы распространяются лишь на француженок. В отношении иностранок и апатридок применяются более жесткие правила. Здесь действует медицинский и возрастной цензы, нужен целый ворох официальных бумаг и *certificats pour usage administratif*⁴ для подтверждения национальности (или наличие Нансеновского паспорта), квалификации, ручательство уважаемых рекомендатель и справки от министерства внутренних дел о лояльности и отсутствии криминальных связей.

Болезнь и лечить в Африке

Даже в наши дни Тропическая Африка считается едва ли не самым проблемным с точки зрения угроз здоровью и организации медицинского обслуживания регионом планеты. В первую четверть XX века ситуация была просто катастрофической. С приходом цивилизации, экономическим освоением прибрежных и глубинных районов, ростом скученности населения регулярные эпидемии стали выкашивать сотни тысяч, а суммарно – миллионы жителей. К началу XX века численность населения в большинстве колоний в Тропической Африке сократилась почти вдвое по сравнению с доколониальными временами, в ряде стран даже больше.

Как ведущая колониальная держава, Франция была вынуждена налаживать медицинскую службу в заморских территориях. В первую очередь это было нужно для обеспечения боеспособности колониальных войск и здоровья колониальной администрации и других европейцев, а во вторую – чтобы не допускать массовых болезней и чрезмерной смертности среди местных жителей, главного генератора доходов от эксплуатации заморских владений.

В течение более чем трех четвертей века, вплоть до начала 1920-х гг., эти задачи в основном решались силами медицинского корпуса колониальных войск. Однако с завершением Первой мировой войны и расширением французской заморской империи за счет включения в нее ряда отнятых у Германии колоний стала очевидна необходимость построения весьма обширной, как в пространственном отношении, так и с точки зрения возросшего числа потенциальных пациентов, структурированной системы здравоохранения, естественно для той поры сегрегированной на «европейскую» и «туземную» части.

Такая задача требовала резкого увеличения числа медицинских работников, но их катастрофически не хватало: врачи-французы, прекрасно зарабатывавшие на родине, не стремились на дикий и опасный континент, где нет европейского комфорта, зато велика вероятность подхватить неведомую тропическую болезнь или медленно сойти в могилу

⁴ Справки для административного использования (франц.).

от изнуряющего тропического климата, непривычной пищи и антисанитарии. Среди местного населения до начала 1920-х гг. не было не то что современных дипломированных врачей, но даже подготовленных фельдшеров.

Почувствовав, что ситуация с кадровым обеспечением в области здравоохранения в ФЗА⁵ и ФЭА⁶ приближается к катастрофической, Французский колониальный институт, учреждение, которое сегодня мы бы назвали главным *think tank*'ом Франции по колониальной политике, призвал начать вербовку для работы там иностранных врачей. По первоначальному замыслу предполагалось привлекать главным образом немцев, в чьей побежденной и частично оккупированной стране после Версальского мира царили инфляция, голод и социальные катаклизмы. Однако к удивлению командования французских оккупационных сил в Руру, немецкие врачи не захотели работать в колониях оккупанта [7]. Тогда Париж обратил взоры на русских докторов, бежавших от большевистской революции и гражданской войны и влачивших в большинстве своем жалкое полуголодное существование в статусе апатридов-беженцев на территории бывшего союзника или в той же Германии.

До второй половины 1920-х гг. Берлин соперничал с Парижем за право называться центром русской послереволюционной эмиграции. Именно в эти две столицы потянулись тысячи некогда уважаемых, нередко известных и почти всегда в дореволюционном прошлом либеральных и демократически настроенных представителей творческой интеллигенции, изобретателей, врачей, людей науки, искусства и т.д. Многим из них уже не суждено было вернуться не только к былому образу жизни, но даже оказаться - востребованными как профессионалы. В начале двадцатых многие были рады постоянному месту разнорабочего, но, претендуя на него, недавний приват-доцент или земский доктор почти неизменно проигрывал в конкуренции то соотечественнику казаку, то военному инженеру из ныне «неподлеглых»⁷ поляков.

По подсчетам учрежденного в Париже Общества русских врачей им. И. Мечникова, ставшего главным профессиональным объединением российских эмигрантов-медиков, всего в Европе оказалось от одной до полутора тысяч бежавших из Совдепии докторов и врачей⁸, более 60% которых находились во Франции или на контролируемых ею территориях. Однако местный закон запрещал им практиковать в качестве медицинского доктора и тем самым создавать конкуренцию французским коллегам. В 1922 г. было сделано временное послабление, разрешившее им лечить эмигрантов-соотечественников: тысячи беженцев нуждались в медицинском обслуживании, а средств на лечение у них практически не было, так что существенным образом на доходах французских медиков такое послабление не отразилось.

С конца 1924 г. в Министерстве колоний Франции прорабатывается вопрос о том, как привлечь русских врачей-беженцев к работе в заморских владениях, не изменяя при этом действующего французского законодательства, позволяющего практиковать в качестве врача только обладателям врачебного диплома, признаваемого французском государством и выданного французским университетом⁹.

⁵ ФЗА – Французская Западная Африка территориально-административная единица, объединение французских владений в Африке, включавшее Берег Слоновой Кости (ныне – Кот-д’Ивуар), Верхнюю Вольту (Буркина-Фасо), Французскую Гвинею, Дагомею (Бенин), Мавританию, Нигер, Сенегал, Французский Судан (Мали).

⁶ ФЭА – Французская Экваториальная Африка включала Чад, Убанги-Шари, (ныне ЦАР), Конго и Габон.

⁷ Русификация польского прилагательного «*niepodległy*» – независимый.

⁸ До 1918 г. окончившие полный курс высших медицинских учебных заведений (медицинских академий и медицинских факультетов университетов) императорской России выпускались в степени «лекарь». Для получения более высокой степени доктора (медицины) необходима была успешная защита докторской диссертации.

⁹ Хотя с чисто формально-юридической стороны диплом выдавался не государственным учреждением (в силу негосударственного статуса выдавшего его французского университета), он носил в силу его

После долгих дебатов и согласований весной 1925 г. Министр колоний Даладьё решил работу первой группы «русских врачей-беженцев» в африканских владениях Франции. Для обхода буквы закона русских медиков стали именовать «гигиенистами-помощниками»¹⁰, поставив их на ступеньку ниже врачей-французов (а заодно назначив им зарплату только в половину от ставки французского доктора). Вакансий во Французскую Западную Африку было 11, а 6 человек направлялись во Французскую Экваториальную Африку. Претендентов из числа бедствующих русских докторов оказалось очень много. Это были русские врачи разных возрастов и с разным опытом работы. Даже половинный оклад французского колониального доктора казался им золотым дождем.

Попасть в группу отбора можно было только по рекомендации руководства Общества русских врачей им. И. Мечникова в Париже, более конкретно, его председателя профессора А. Алексинского и его предшественника на этом посту профессора Ф. Крессона, секретаря С. Абрамова, влиятельного члена Правления общества доктора А. Маршака и представителя Общества при Министерстве колоний доктора А. Брайноса. Желаящие выехать подавали ходатайства на конкурс. Кандидатуры фельдшеров не рассматривали вовсе. Срок рассмотрения ходатайства составлял три месяца. Он строго выдерживался. Изначально до сведения кандидатов Общество довело следующие условия будущего найма: «денежное содержание 24.000 франков в год»¹¹ [8]; контракт на 2 года; дорога от Франции и обратно за счет французского правительства. На службу принимаются врачи не старше 35 лет, знающие французский язык; желательно также знакомство с микроскопической техникой» [9].

Возрастной ценз по определению должен был отсеять всех претендентов, родившихся ранее 1890 г., что лишало перспектив немало заслуженных русских врачей и хороших знакомых правления общества. Выход легко был найден в незатейливой операции: на основании речательства уважаемых эмигрантов Учреждение по делам русских беженцев выдавало необходимое письменное подтверждение даты и места рождения, национальности и имен обоих родителей взамен «утраченных при эвакуации» документов. В результате значительная часть русских врачей «помолодела» на несколько лет, а историки ныне регулярно сталкиваются с «официально подтвержденными» различными датами рождения, которые при сличении с записями в метрических книгах церковных приходов почти всегда на несколько лет «запаздывают». Вопрос возраста стал несколько строже контролироваться после смерти в 1927 г. Ивана Николаевича Бубель-Яроцкого, работавшего в одном из относительно благоустроенных мест в ФЗА, в госпитале г. Сент-Луи (до 1902 г. столица Сенегала). Однако продлевавших контракт и хорошо зарекомендовавших себя «гигиенистов-помощников» первого-второго наборов тро-

государственного признания наименование *diplôme d'État de docteur en médecine* (государственный диплом доктора медицины). Обычно для получения такового необходимо было после получения среднего образования (французский *baccalauréat* – не путать с российским бакалавриатом!) успешно отучиться на медицинском факультете университета минимум 9 лет и написать соответствующую диссертацию (*thèses*). Обязательная интернатура могла длиться от 3 до 6 лет. В силу открывавшихся с его получением возможностей *diplôme d'État* был объектом вождения русских докторов-эмигрантов, даже обладавших мировой известностью.

¹⁰ Иногда в отечественной литературе встречается не совсем верный перевод французского наименования должности *Hygiéniste-adjoint* – русским словосочетание «помощник гигиениста». Этот вариант искажает суть работы и положения русского врача, т.к. по смыслу предполагает наличие некоего «гигиениста» у которого медик-эмигрант работает помощником. На самом деле, французами предполагалось, что врач-эмигрант работает под руководством «полноценного» французского доктора, выступая в качестве его помощника, а термин «гигиенист» ему как раз присвоили, чтобы, с одной стороны, показать его определенную самостоятельность, но не признать его при этом равным доктору-медику. Таким образом, более правильным переводом будет именно «гигиенист-помощник».

¹¹ Для сравнения: русский рабочий П. Коротков на металлургическом заводе *S.M.K.* (французское оборонное предприятие) получал в год 4800 франков [8].

гать не стали, а вновь прибывающие русские доктора в массе своей были уже моложе. В 1928 г. верхняя возрастная планка была поднята до 45 лет.

Среди эмигрировавших во Францию было немало врачей-женщин. Их, кстати, накануне революции в царской России в расчете на 100 дипломированных врачей-мужчин было больше, чем в среднем по Европе. Однако в конкурсе на колониальные вакансии женщины-врачи были ущемлены в правах. Из особ женского пола брали только врачей-специалистов, но и то не любых, а только бактериологов, офтальмологов и отоларингологов. Правда, особо оговаривалось, что экстренно требуются зубные врачи.

Е. Биркган подала ходатайство одной из первых, когда среди своих прошел слух о конкурсе. Членам Правления она была хорошо знакома. После жизненных неудач и огорчений послереволюционных лет она действовала целеустремленно и напористо. По бумагам выходило, что место в бактериологической лаборатории в Либревиле будто создано прямо под нее. Несмотря на «утрату» документа о годе рождении, она сумела представить в Министерство колоний справки о медицинском образовании от российских и швейцарских медицинских высших учебных заведений и подтверждение того, что в первые три послереволюционные года она трудилась в лаборатории Обуховской больницы Петрограда, имела опыт лечебной работы¹² [10]. Ей, правда, пришлось сильно «помолодеть», ведь родилась она на 9 лет раньше установленной для первого набора русских врачей-эмигрантов в Африку «черты отсечения». Но, как будет показано ниже, она это делала не первый раз.

Е.Б. Биркган: от медички до оптантки

Евгения Борисовна Биркган родилась в обеспеченной еврейской семье в городе Фридрихштадт Курляндской губернии Российской империи (ныне – Яунелгава в Латвийской республике). В нашей статье мы используем русифицированную форму ее имени, которой она сама предпочитала всю жизнь пользоваться, однако по ее рождению в «Метрическую книгу по г. Фридрихштадту о родившихся евреях за 1881 г.» за № 94 женской графы была внесена следующая запись: «24 декабря 1881 г. у Сомм-Боруха¹³ Биркгана из Фридрихштадта и жены его Іени родилась дочь, коей дано имя Шейне» [цит. по: 11].

Шейне-Женя росла серьезной девушкой. Училась основательно и с охотой. По мере взросления стала много говорить на модную тогда тему эмансипации, причем рассуждала сразу и о еврейской, и о женской. На стыке веков в молодежной среде романтизм соединяется с высокой политизацией повседневной жизни. Юноши и девушки из еврейских местечек стекаются в города учиться в гимназиях и университетах, находят законные и фиктивные основания, чтобы вырваться из черты оседлости¹⁴, переполняются

¹² За исключением года рождения все было чистой правдой.

¹³ Воспроизведено с русскоязычной копии выписки 1912 г. В оригинальных метрических книгах записи делались раввинами на еврейском языке с русским переводом в отдельной графе (или наоборот, но русский текст чаще предшествовал). Метрические книги велись по установленной законом форме. Эта обязанность сперва (до 1857 г.) возлагалась на местных раввинов, а в период с 1857 г. по 1917 г. в Российской империи был введен институт казенного раввина, и эти функции перешли к нему. При этом нередко возникали разночтения в транскрипции и транслитерации еврейских имен. Так отец Е.Б. Биркган в находящейся в нашем распоряжении копии цитируемого документа значится как Сомм-Борух (возможна описка при русскоязычном копировании), а в документе, выданном в 1893 г. при рождении родного младшего брата Е.Б. Биркган Гирша другим раввином, как Шолум-Борух. Первая буква имени отца в еврейском языке на письме в обоих случаях одна и та же – «син/шин». Отчество Е.Б. Биркган в некоторых русскоязычных документах указывается как Соломоновна и Шолумовна, но в большинстве – Борисовна, реже Боруховна. В деле Петрогубисполкома 1920 г. об оптации Е.Б. Биркган латвийского гражданства ее имя указывается как Шейне-Евгения.

¹⁴ После инкорпорации в 1795 г. Герцогства Курляндского в состав Российской империи, вновь образованная Курляндская губерния не была включена в черту еврейской оседлости, и проживание евреев в

революционными настроениями. Даже в небольшом Фридрихштадте (6 тыс. жителей) сосуществуют пять еврейских партий/объединений, включая Бунд. Все говорят о реформах, об освобождении евреев и об отъезде в Палестину, но лучше в Америку. Но пока (это происходит 5 августа 1905 г.) она переезжает для завершения курса учебных дисциплин женской гимназии в Ригу, в те годы 6-й по численности населения (почти 300 тыс. чел.) город Империи.

В 1907 г. на деньги отца Шейна¹⁵ Биркган отправляется учиться на врача в Швейцарию. Высшее медицинское образование в конце XIX – начале XX вв. было одним из немногих открытых для женщин путей, по которым мужское профессиональное доминирование постепенно прореживается все большим числом женщин с университетскими дипломами.

Издание «Вадемекум по высшему женскому образованию» (аналог сегодняшнего «Справочника для поступающих в ВУЗы») в начале века пишет: «В настоящее время, в силу все усложняющихся условий жизни, каждый человек, и в том числе и женщина, поставлен в необходимость вести тяжелую борьбу за свое существование. Каждый должен добиться возможности самостоятельно зарабатывать себе средства к жизни. В наше время наука, знание, образованность перестали быть целью самодовлеющей, они вынесены на рынок. Высшее образование становится не роскошью, излишеством, не приятным желаемым прибавлением, а прямой потребностью, жизненной и насущной необходимостью» [12].

Шейна Биркган записывается в качестве студентки на Медицинский факультет Женевского университета (как более дешевая альтернатива был возможен вариант стать вольнослушательницей, но это не давало полноценного диплома). В то время (как, впрочем, и ныне), несмотря на звучное наименование, Университет Женевы не относился, в отличие от Цюрихского, к числу самых престижных университетов. Собственно, и университетом он стал сравнительно недавно, только в 1878 г. До этого этот вуз пребывал в статусе «академии», т.е. был на ступеньку ниже университета.

Зато он делал хорошие деньги на обучении иностранцев, особенно россиян и особенно женщин. В год поступления Е. Биркган подданные Российской империи составляли около 60% студентов и вольных слушателей медицинского факультета [13]. Деканом факультета был доктор Сигизмунд-Ладислав Ляшковский, который, понимая, что у женщин в России возможности получить высшее медицинское образование ограничены, широко распахнул двери факультета для обеспеченных русских соискательниц оно и даже умело «заточил» правила приема под обильный русский «дежурный поток».

В правилах приема на медицинский факультет были особо прописаны требования к абитуриенткам из России. В принципе они были близки к условиям приема, существовавшим в Петербургском женском медицинском институте. Это было сделано для того, чтобы по возвращении на родину выпускницы могли легче легализовать швейцарские аттестаты. Обязательным было предоставление официально признаваемого Российским правительством диплома об окончании 7 классов женской гимназии, свидетельства о сдаче экзамена по латинскому языку в объеме 8 классов мужской гимназии (дополнительные экзамены держатся при мужских гимназиях). Все документы должны были быть официально заверены компетентными российскими учреждениями и ведомствами, а также в швейцарских консульствах в Российской Империи [14].

ней регулировалось отдельным правовым режимом, значительно более мягким. Это послужило активному перетеканию в губернию евреев из соседней Литвы и Белоруссии, что в свою очередь привело к постепенному ужесточению контроля, который тем не менее оставалось сравнительно более либеральным, чем внутри черты оседлости.

¹⁵ В статье автор хронологически использует ту форму имени (Шейна/Шейне; Birkhahn/Birkhan/ Birkhane), которой в данный период жизни пользуется сама героиня.

Когда все необходимые формальности были выполнены, требуемые взносы и сборы уплачены, отец арендовал для дочери комнату по адресу *boulevard Georges-Favon*, 33 в двух шагах от Университета и от синагоги, располагавшейся по соседству в доме 41. С зимнего семестра 1907–1908 г. Шейна Биркган¹⁶ стала «студенткой-медичкой».

Интересно, что если на первом году обучения в официальных списках студентов Шейна значится в официальных списках под этим своим еврейским именем, то на втором оно из бумаг исчезает, и девушка фигурирует уже как Евгения (*Eugénie*). В тот же год она меняет и место жительства, переселяясь из ветхого дома (его через два года снесут) близ синагоги в апартаменты на *rue de la Plaine*, 5 [15] в одно из двух респектабельных зданий-близнецов, построенных в 1873 г. в стиле *beaux-arts* и *modestie* архитектурским бюро *Matthey Frères* специально под жилье для лиц свободных профессий. Большинство жильцов были медики, но часть – писатели и художники [16]. Тяга к респектабельному окружению и привлекательному в архитектурном отношении жилищу будет заметна у Е. Биркган в будущем – в имперской столице Петербурге, в новоиспеченной латвийской столице Риге, в колониальном Либревиле и даже в бытом всеми габонском Фернан-Вазе.

После получения медицинского образования в Швейцарии Е. Биркган обосновывается в Риге, где, судя по всему, завершает оформление бумаг, в частности, проходит медицинскую практику и формально подтверждает эквивалентность швейцарского аттестата русскому диплому о высшем медицинском образовании. Этот диплом разрывает для нее путы черты оседлости: как дипломированный врач, она может селиться в любом уголке Империи. 24 февраля 1912 г. из Рижского полицейского управления Е.Б.Биркган получает Свидетельство за № 701 «для представления по принадлежности при исходатайствовании права жительства вне черты оседлости в том, что она за время проживания в гор. Риге с 24 августа 1905 г. по настоящее время под судом и следствием не состояла и не состоит и за поведением ее Рижскою полициею ничего предосудительного не замечено и препятствий к тому с стороны полиции не встречается»¹⁷ [17].

В 1912–1921 гг. Е.Б. Биркган живет и работает врачом в Петербурге (с 1914 г. – Петрограде). В известном адресном справочнике «Весь Петербург» она упомянута как практикующий врач уже в 20-м выпуске (1913 г.), что означает, что, как минимум, к 1 ноября 1912 г., к конечной дате внесения изменений в текст книги, Е.Б. Биркган уже работала в столице. Адреса проживания указаны: в 1913 г. – Большой Каменноостровский, 27; в 1914 г. – Большая Монетная, 9; а с 1915 по 1917 г. – Забалканский проспект, 61¹⁸. Последний адрес – знаменитый дом наследников Львовой и Ф.И. Сорокина, работы архитектора Пранга¹⁹. Благодаря искусству строителя внешне дом по сей день выглядит импозантно и даже фешенебельно [18], что создает впечатление, будто его обитатели, включая Е.Б. Биркган, были очень богатыми людьми. Это, однако, не так. С самого начала здание строилось как доходный дом, рассчитанный на достойных обывателей с достатком, но отнюдь не богачей. В этом доме Евгения Борисовна проживет в Питере почти счастливые три года (впрочем, не совсем уж счастливые: вдали от родной

¹⁶ В списках студентов она значится в этот год под этим именем.

¹⁷ *Грамматика документа сохранена.*

¹⁸ В книге А.Ф. Векслера и Т.Я. Крашенинниковой «Московский проспект. Очерки истории» (СПб. Центрполиграф», 2014) наша героиня в рассказе о доме № 61 по Забалканскому (ныне Московскому) проспекту ошибочно сделана мужчиной Евгением Борисовичем, видимо из-за того, что имена жильцов были взяты из справочников «Весь Петроград», а там имя и отчество даны в сокращенном виде «Евг.Бор. Биркгань». Этой досадной ошибки можно было бы легко избежать, если бы авторы заглянули в приводимые в каждом томе отдельные указатели женщин-врачей Петрограда, где «Евг.Бор. Биркгань» фигурирует каждый год.

¹⁹ В 2001 г. дом включен Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга в «Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность».

Курляндии никак не удастся создать семью, а в 1914 г. младший брат пропадает без вести на войне).

Соседями Е.Б. Биркган по дому были в основном семьи неплохо зарабатывающих чиновников среднего уровня, врачи, чертежники и т.д. На первом этаже и в бельэтаже размещались клиника доктора М.С. Парижского, специализировавшегося на внутренних, детских и женских болезнях и жившего в этом же доме, магазин готового дамского платья Киселева, чайная Смирновой, часовой магазин и мастерская В.И. Рубинштейна, магазин стройматериалов Павла Ларионова, контора, магазин и лабаз сливочной торговли купца Никанора Петрова. В общем, дом дышал повседневной устроенностью, степенностью и неброским достатком, а его обитатели в нынешнем понимании были представителями среднего класса, «социальной опорой» устоев и развития успешного российского капитализма начала XX века.

Для Е.Б. Биркган первые еще громы грядущей судьбоносной грозы сотрясли размеренную жизнь 20 июля (2 августа) 1914 г. В этот день Николай II издал манифест о вступлении в войну с Германией. Огромная толпа народа, собравшись на площади перед Зимним дворцом, бурно приветствовала императора, появившегося на балконе. Народный подъем вылился в агрессивную германофобию. Было разгромлено германское посольство, подожжены здания немецких фирм. В Москве толпа забросала камнями карету великой княгини Елизаветы Федоровны, сестры императрицы.

Жить и работать с фамилией *Birkhahn*²⁰ становилось сложнее. Раньше фамилия помогала, открывала определенные двери, теперь начинала мешать. Да и влиятельные знакомые с немецкими и не совсем немецкими фамилиями все более опасались выглядеть нелояльными в глазах общественности и поэтому тщательно взвешивали свои шаги в военное время. Так, в конечном итоге не удалось уберечь от отправки на фронт любимого младшего брата Евгении Гирша (в русскоязычных документах – Гарри), числившегося студентом и жившего в то время в Риге. Его регистрируют в качестве призванного и отправляют в Рязанскую губернию, где завершается комплектация 138-го пехотного Болховского полка. Еще через неделю полк бросают на Юго-Западный фронт, где российская армия противостоит австро-венгерским войскам.

В начале сентября Е. Биркган получает уведомление, что «5-й роты рядовой Биркган Гирш Барухов, иудейского вероисповедания, уроженец Курляндской губернии, Фридрихштадтского уезда, житель г. Рига, пропал без вести 15 августа при Тарношине» [19]. Это произошло в первом же боестолкновении, когда, согласно журналу военных действий, полк, отставший на полторы версты от основных сил, столкнулся с австрийцами [20]. Почти три года прошли в беспокойстве о брате, но в 1917 г. он неожиданно нашелся и поселился в Петрограде, да к тому же вскоре женился на премиленькой русской девушке Шурочке Захаровой, из крестьян Петроградского уезда, имевшей 4 класса образования.

После октября 1917 г. события закрутились с необыкновенной быстротой, но не так, как хотелось Е. Биркган. В феврале 1918 г. начинается успешное наступление немцев на Петроград, Советское правительство бежит в Москву. Немцы в обмен на перемирие требуют у Советов признания независимости Лифляндии, Курляндии и Эстляндии, фактически оказавшихся под германским контролем. В сентябре после убийства председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого большевики объявляют «красный тер-

²⁰ *der Birkhahn* по-немецки тетерев-самец (ср. русск. «Тетерин»). В разных документах и источниках имеется несколько форм написания фамилии нашей героини. В официальных русских документах царского периода и в дореформенной орфографии она писалась как «*Биркгань*», латиницей – *Birkhan*, в немецкоязычных документах (в т.ч. старых архивных документах Курляндии и Лифляндии) и в документах Женевского университета, согласно нормам классического немецкого – *Birkhahn*, по латышски *Birkhane* (чаще) и *Birkhana* (реже), по-французски *Birkhane* (именно так весь период пребывания в Африке) и по возвращении из колоний во Францию – снова *Birkhan*.

пор». ЧК, латышские стрелки, а также непонятные вооруженные люди произвольно берут заложников из числа «представителей эксплуататорских классов и их прислужников», часто убивая их и неизменно грабя.

В 1918–1920 гг. жить в столь нравившемся Е.Б. Биркган доме с богатой отделкой и состоятельными жильцами стало опасно. Грабежи, реквизиции, самозаселения «в порядке уплотнения» стали нормой дня. Новые соседи не церемонились, забирали себе у «эксплуататоров» все что нравится, готовили еду прямо в комнатах на открытом огне, а о чистоте в помещениях даже не думали.

Разруха привела к перебоям с поставками продовольствия, с водоснабжением и топливом в Питере. В городе царил голод. По некоторым оценкам, из 2,5-миллионного населения к началу 1920 г. в городе оставалось около 700 тыс. человек. Продовольствие и керосин выдавались по карточкам, Гарантированный бесплатный хлебный паёк, выдаваемый на некоторых предприятиях и учреждениях, сократился до 120 г в день, но и для его верного получения Биркган нужно было работать в городской больнице, а не быть частнопрактикующим врачом.

Предприимчивая и активная Евгения Борисовна в очередной раз резко меняет жизнь. Она поступает на работу в Обуховскую больницу, старейшую и самую известную в Петербурге, в ту самую, в 17-й номер которой А.С. Пушкин поместил сошедшего с ума героя «Пиковой дамы»²¹. Сама же Е.Б. Биркган переезжает на Кронверкскую улицу в дом 23 и, чтобы не подлежать уплотнению, прописывает у себя брата Гирша и его жену Шурочку. К этому времени знакомые помогли пристроить Гирша заготовителем в Главлеском «Лесозаготовка» [21], после чего проблема с отоплением снялась сама собой: дрова теперь были всегда, их можно было даже менять на еду и всякие нужные вещи. Проблемы безопасности, жилья, еды и тепла Евгения Борисовна, насколько это было возможно в разоренном городе, решила самостоятельно, в рамках отдельно взятой квартиры.

Правда, теперь нашу героиню все более раздражало регулярное привлечение ее, дипломированного врача, на общественные работы – заготовку дров для города, расчистку завалов и даже восстановление трамвайных путей. Впрочем, и тут Е.Б. Биркган находит выход. В августе 1919 г. она переводится в созданный несколькими месяцами ранее «Подотдел медицинской экспертизы отдела здравоохранения Петроградского Горисполкома», что на Инженерной, 9. Вскоре Петроградской институт экспертиз присваивает ей третью группу инвалидности. В трудовую книжку, в графу «*к каким работам пригоден*» вносится запись: «*к легким работам*». А над этими словами кем-то делается дополнительно рукописная вставка-уточнение: «*к самым*» [22].

Е.Б. Биркган все чаще думает о том, чтобы покинуть погибающий город, в котором уже не видит перспектив возврата к нормальной жизни. В 1920 г. РСФСР признает независимость Латвии, а в следующем году ее признают и страны Антанты. На основании ст. VIII Советско-латвийского договора 1920 г. латыши и лица, родившиеся в Курляндии и Лифляндии, становились опантами, то есть могли выбрать: оставаться ли им в российском гражданстве или принять гражданство создаваемой независимой Латвийской Республики и, соответственно, переселиться (вернуться) в Латвию.

Евгения Борисовна считает это прекрасной возможностью покинуть погибающий город, в который десять лет назад она так стремилась попасть и на что потратила столько сил и средств. 7 апреля 1922 г. она опатирует латвийское гражданство. При оформлении документов Е.Б. Биркган в первый раз проводит «операцию по омоложению»: не смотря на то, что в сдаваемых ею старых российских документах четко прописан год

²¹ «Германн сошёл с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17-м номере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: “Тройка, семёрка, туз! Тройка, семёрка, дама!..”». А.С. Пушкин. «Пиковая дама».

рождения: 1881, она в анкете на оптацию в графе «возраст» указывает «39 лет», срезая себе два года.

Квартиру на Кронверкской она все же терять не собирается и оставляет ее Гиршу и его жене. Через два года младший брат, уговорив юную супругу сменить гражданство, решит вслед за старшей сестрой переехать в Ригу. Его миленькая жена Шурочка – Александра Гавриловна Биркган (в дев. Захарова) – поначалу покорно решит последовать за мужем, но затем испугается²² [23] и после бурных скандалов останется в Петрограде, но окажется теперь на своей родине иностранкой. Ей придется потратить много сил и пролить много слез в разных кабинетах, прежде чем ей вернут гражданство, теперь уже СССР. Все время ожидания этого решения эта латвийская гражданка из русских крестьян с четырехклассным образованием жила без мужа по адресу ул. Красных Зорь, 26-28. А дом был не простой. В нем в это же время (с 1924 по 1926 г.) проживал (кажется, в соседнем подъезде) Григорий Евсеевич Зиновьев – председатель Петроградского Совета и Исполкома Коминтерна, а с 1926 по 1934 г. – С.М. Киров, первый секретарь Ленинградского губкома ВКП(б). Жили и другие очень высокопоставленные мужи (в большинстве впоследствии репрессированные). Однако Евгению Борисовну столь высокие материи и тайные связи отныне не касались. Она уже была в Риге.

Здесь она устраивается в самом центре в кв.8 дома 9 по Гертрудовой улице (старое название, теперь русскими буквами – ул. Гертрудес) и открывает частную практику врача-терапевта [24]. Однако дела не пошли так, как виделось из Питера. Местные власти строго следят за приехавшими из большевистской России. Евреев по умолчанию подозревают в связях с советским «жидомасонским» руководством, латышскими стрелками и ГПУ. Они видят в попытках оптантов вписаться в повседневную жизнь суверенной буржуазной Латвии коварные планы подрыва независимости страны и стремление скрытно захватить влиятельные или доходные места в национальном государстве, обвиняют в склонности к мошенничеству и манипуляциям, «несвойственных открытым и законопослушным латышам». Растет число официальных проверок и повторных профессиональных регистраций. Усложняющиеся квалификационные и документальные требования угрожают вылиться в понижение профессионального статуса Биркган как полноценного доктора.

Уже тогда владение латышским языком для профессии врача становится важным, принимаемым властями во внимание моментом (но пока все же не обязательным требованием). С этим у Евгении Борисовны, говорившей на русском, идиш, немецком и французском, были проблемы. Дальше простых бытовых фраз, запавших в память в ранней молодости и позволявших вести разговор в магазине или давать указания прислуге, ее познания в языке новой родины не распространялись.

В официальных указателях у врачей нелатышей и немцев стали прописывать этническую принадлежность. Так, в «Латвийской торгово-промышленной адресной книге» указывается: *Birkhan, Eiženija, ebr., terapija, Ģertrūdes ielā 9, dz. 8.* (Биркган, Евгения, **евр.**, терапия, ул. Гертрудес, дом 9, кв. 8) [25]. Конечно, Рига была спокойней и предсказуемей Питера, но она уже не была уютным и приветливым городом ее молодости. С работой и доходами дело как-то не клеилось. Не удавалось найти должного взаимопонимания с новыми националистическими властями и угодить регуляторам, стремившимся побыстрее перестроить доставшуюся в наследство от империи систему на германский манер, который почему-то упорно называли латышским.

Наконец, 19 августа 1924 г. на первой странице государственной официальной газеты *Valdības Vēstnesis* появилось следующее сообщение: «Департамент здравоохранения

²² Возможно, на самом деле причиной были и какие-то другие обстоятельства. Во всяком случае, в своем покаянном письме с просьбой вернуть гражданство, она объяснит оптацию латвийского гражданства молодым возрастом, неопытностью и уговорам мужа, которым она как послушная жена подчинилась. На этом письме стоит резолюция толстым синим карандашом: «ОТКАЗАТЬ».

сообщает, что все перечисленные ниже врачи, несмотря на неоднократные обращения, не прошли перерегистрацию и переоформление документов, в связи с чем они исключаются из списка врачей и им запрещается ведение практики вплоть до выполнения всех требований по регистрации. Аптекам дано распоряжение не выдавать препараты, выписанные перечисленными врачами». Е. Биркган числилась в списке под номером 36 [26]. С этого же года упоминание о Евгении Борисовне исчезает из ежегодно публикуемого официального списка врачей Латвийской Республики.

И тогда *номада* Е.Б. Биркган продолжает свои скитания по миру. Через несколько месяцев она оказывается в Париже, где от старинных знакомых и коллег-медиков узнает о том, что скорее всего скоро откроется возможность получить двухгодичный контракт на работу врачом в африканских колониях с очень приличным окладом жалования и массой дополнительных доплат и бонусов. Вакансии будут предложены русским докторам-эмигрантам, бежавшим от большевиков во Францию. Поэтому предприимчивая и целеустремленная Евгения Борисовна, несмотря на то, что легально въехала в страну по латвийским документам (*E. Birkhane*), позиционирует себя именно в таком качестве.

Она освежает свои знакомства с бывшими петербургскими коллегами, ныне занимающими важные посты в Обществе русских врачей им. И. Мечникова. В дальнейшем и в официальных бумагах, и в научных статьях она отныне будет фигурировать как *Mlle Birkhane, hygiéniste-adjointe (refugiée) russe* – «мадемуазель²³ Биркган, русская (беженка) гигиенистка-помощница». По французской традиции инициалы в официальных бумагах не указывались. В редких случаях за фамилией в скобках указывалось имя, написанное на французский манер – *Eugénie*.

Е. Биркган: 14 лет в Габоне

26 февраля 1926 г. парижский профессиональный еженедельник для врачей *Le Concours Médical* сообщил, что губернатор Французской Экваториальной Африки «из-за нехватки колониальных врачей, которые из-за низкой зарплаты туда ехать больше не желают, нанял шесть русских докторов в качестве гигиенистов-помощников, а русская девица передана в распоряжение вице-губернатору Габона для работы в лаборатории Либревиля» [27].

Информация эта дошла до парижского издания с запозданием почти на полгода. В действительности распоряжение в адрес Е.Б. Биркган приступить к исполнению обязанностей и о ее направлении в лабораторию Либревиля было сделано губернатором ФЭА 4 мая 1925 г. Тем же приказом Мадемуазель Биркган со «дня, предшествующего ее восхождению на борт судна» для отплытия в Африку, назначался годовой оклад в 15 тыс. франков плюс компенсация за работу в условиях колонии в размере 1250 франков, выплачиваемых за счет местного бюджета Габона [28].

В это время европейская медицина только делала первые шаги в исследовании и лечении свирепствовавших в Африке бактериологических и паразитарных заболеваний. Одним из главных направлений в этой борьбе была профилактика и лечение сонной болезни, заболевания людей и животных, вызываемого простейшими – трипаносомами. Эти возбудители обычно передаются через укус инфицированной мухи цеце и чаще всего встречаются в Африке в сельской местности, также могут передаваться от матери ребёнку через плаценту, при механической передаче через других кровососущих насекомых, уколе заражённой иглой, половом контакте. Анализ крови, исследование мазка – неперемное условие для ведения сколь-нибудь целенаправленной и осмысленной ра-

²³ В данном случае речь идет о социальном статусе незамужней женщины (девица).

боты по борьбе с этим недугом. Но в 1920-е годы во всей ФЭА было всего лишь две бактериологические лаборатории – в Браззавиле и в Либревиле.

По прибытии на новое место работы Е.Б. Биркган, по опыту российской земской противоэпидемической службы, назначает проведение массового тестирования африканского населения местной округи. По итогам первого столь массового исследования она предупреждает начальство о резком взлете случаев инфицирования в сравнении с последними данными, предшествовавшими ее прибытию [29]. Представленная большая выборка и разносторонний анализ заставят потом ведущих французских исследователей опираться именно на статистику этого первого массового тестирования Е.Б. Биркган.

Ее инициативность оказывается своевременной – из Парижа колониальному начальству как раз приходят указания усилить работу антитрипаносомной службы. К тому же идет подготовка к всемирному медицинскому конгрессу по сонной болезни, на котором Франция не хочет отстать от вечных соперников англичан. Вице-губернатор Габона благосклонно относится к инициативам Е.Б. Биркган и удовлетворяет ее прошение о выделении в распоряжение лаборатории дополнительно двух единиц (медбрата и стажера) из состава туземного медицинского корпуса.

Годом позже своим упорством и целеустремленностью Евгения Борисовна, уже как фактический руководитель лаборатории (дипломированного врача-француза, который мог бы стать им де-юре, так и не нашли), заставит колониальное медицинское начальство выделить ей в ее личное распоряжение еще двух африканцев-военнослужащих из состава младшего медицинского персонала – капрала-санитара Пьер-Мари Этуге (*Pierre-Marie Étouhé*) из антитрипаносомной службы и санитаря 1 класса Клемента Обаму (*Clement Obama*) [30]. Они длительное время будут работать при ней и путешествовать по приказу начальства по разным медицинским округам колонии.

В течение первых лет работы под руководством Е.Б. Биркган лаборатория Либревиля приобретает среди врачей-исследователей сонной болезни такой же авторитет и известность как намного лучше оборудованная бактериологическая лаборатория Пастеровского института в столице ФЭА Браззавиле. Сама Евгения Борисовна уверенно поднимается по иерархической лестнице колониальной медицинской службы, хотя отсутствие французского диплома и французского гражданства часто не дает ей возможности формально занимать пост руководителя того или иного звена. Но в целом она на хорошем счету, а в таких случаях начальство всегда изыскивает способ предпринять желательное действие, не нарушая при этом закона. В сентябре 1929 г. ее назначают главврачом Службы медпомощи туземному населению и внештатным военврачом центральной части Либревиля и прилегающего медсектора *Xb* [31].

В 1933–1934 гг. Е.Б. Биркган работает главврачом округа Урунгу, потом ее переводят во второй по значимости город Габона Порт-Жантиль, где она после долгих лет отъезда из Петербурга до прибытия из Франции назначенного на это место французского врача лейтенанта колониальной медслужбы Даньо (*Daniaud*) вновь становится практикующим терапевтом [32].

В 1936 г. ее ждет назначение в новое место и на новый для нее участок работы. Ее переводят в Конго в распоряжение главного санитарного врача округа Пул (в те годы столица Браззавиль входила в него) для работы в детских учреждениях муниципалитетов Баконго и Пото-Пото под началом французского доктора Лорана (*Laurent*). Там она проработала около года. Все это время губернатор Габона добивался ее возвращения назад в Либревиль. В январе 1937 г. это ему удалось. И здесь основным участком ее деятельности стала работа с детьми под эгидой благотворительной структуры *L'Oeuvre du Berceau gabonais* [33]. Одновременно Е.Б. Биркган ведала работой диспансера в Глассе, первом европейском поселении в Габоне, к этому времени – части Либревиля.

Внимание к работе с детьми в колонии возникло не на пустом месте. К началу двадцатых годов во французских владениях образовался довольно значительный контингент детей-мулатов. Часть из них родились от сложившихся семейных пар белых колонистов и их постоянных спутниц, фактически жен-африканок. Однако большинство детей-мулатов появлялись в результате скоротечных брачных отношений европейских мужчин с туземными женщинами. Практика временных браков была очень распространена и, хотя такие отношения формально не поощрялись, но и чем-то из ряда вон выходящим не считались.

К концу 1920-х гг. однако количество стало переходить в качество, а вопрос стал обретать социальное звучание. Париж решил обратить проблему в преимущество. Было решено развивать систему социальной поддержки нуждающихся детей от смешанных браков, дать им возможность получить образование, с тем чтобы впоследствии они превратились в надежный местный оплот администрации и своего рода пуповину, связывающую Африку с Францией. Габонское отделение общеколонизаторской *L'Oeuvre du Verseau* было создано в июне 1930 г., и во главе его стала супруга губернатора колонии [34]. Е.Б. Биркган проработала в этой структуре свой последний год пребывания в Африке. С 6 апреля 1938 г. начался ее шестимесячный отпуск, положенный ей при завершении срока действия очередного трудового договора. 8 апреля в ставшей уже привычной «каюте 1-го класса (второй категории)», положенной ей по контракту на пароходе «Фуко», она отправилась во Францию, чтобы уже никогда не вернуться в Африку.

О том, как сложилась ее дальнейшая жизнь, сведений добыть не удалось. Что стало с ней во время войны, после оккупации Парижа фашистами? В доступных списках интернированных, депортированных и отправленных в концлагеря французских евреев и списках жертв холокоста и базах имен Яд-ва-Шем данных о Евгении Борисовне автору найти не удалось.

Лашина-Федосеева-Кривопатрия

Судьба второй нашей героини Анастасии Матвеевны Кривопатрии (в девичестве Лашинной) в каждом конкретном моменте едва ли не прямо противоположна судьбе Е.Б. Биркган, однако как единое целое, по духу и в сути своей, на удивление ей близка.

Анастасия Лашина родилась 24 октября 1890 г. в станице Государственная (ныне Советская), в ту пору Пятигорского отдела Терской области. Отец ее Матвей Петрович – потомственный казак. О матери известно, что звали ее Евдокия Лашина (урожденная Силкина). Отец большую часть жизни учительствовал. Служил в станицах Котляревской и Пришибской. Вскоре после рождения дочери стал заведующим 2-м Владикавказским приходским училищем [35]. Как и подобает учителю, он был человеком неколебимых и в целом прогрессивных взглядов, сторонником женского образования и всеобщего просвещения. В то же время был не просто государственным – державником. В мирских делах долг перед отечеством и самодержцем ставил превыше всего. К 1907 г. он дослужился до высшего в своей карьере классного чина – надворного советника и занимал должность губернского уровня – секретаря Канцелярии общего присутствия [36]. После февральской революции в августе 1917 г. был избран делегатом Войскового круга Терского Казачьего Войска 3-го созыва, от станицы Приближная Моздокского отдела.

Как и у Е.Б. Биркган, у Анастасии Матвеевны был брат, но не младший, а старший – Константин. Он родился 17 мая 1884 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду. На службе проявил рвение и храбрость и быстро продвигался в чинах. В 1908 г. стал хорунжим, в 1911 г. – сотником, а с 1913 г. – начальником команды службы связи. В том же году награжден орденом св. Станислава 3 степени [37]. Отец им очень гордился, а сестра горячо любила и хвалилась им перед подругами. Кон-

стантин же, как положено старшему брату, снисходительно покровительствовал ей, но даже уйдя на военную службу продолжал интересоваться ее делами, регулярно переписывался с ней.

Матвей Петрович желал видеть дочь образованным и полезным для России человеком. Поэтому он не стал препятствовать дочери в получении медицинского образования вдали от дома. Она едет в столицу учиться на врача в Петербургский женский медицинского институт [38]. С 1914 г. она уже работает зубным врачом.

Примерно в это же время или чуть ранее Настя Лашина знакомится с потомственным дворянином, коллежским советником Леонидом Алексеевичем Федосеевым. В 1914 г. они поженились и поселились в доме по адресу Лицейская, 5. Их соседом по дому был Петербургский градоначальник Даниил Васильевич Драчевский, которого, правда, на следующий год отстранили от службы, в связи с обвинением в растрате 150 тысяч рублей.

Очень скоро, 21 апреля 1915 г., у Анастасии родилась дочь Людмила. Само собой разумеется, что на формирование в дальнейшем личности тогда еще молодой казачки Насти, только что получившей специальность и только-только превращавшейся в самостоятельную женщину, повлияли характер и жизненная история мужа.

Леонид Алексеевич принадлежал к многочисленной дворянской семье Федосеевых, родовым гнездом которых было сельцо Киучер, Переславского уезда Владимирской губернии²⁴. Род был не именитым, но старинным, владевшим залесскими землями еще в XVII веке, а возможно, и раньше. По письменным историческим источникам (переписным книгам 1678 г.), за «Степаном Борисовым Федосеевым записано сельцо Киучер, а в нём двор помещиков, 6 дворов крестьянских и 1 бобыльский с населением в 18 душ мужского пола, 1 двор задворного человека» [39].

Но как представляется, не старинность рода стала главным фактором, определившим судьбу Анастасии Матвеевны и последующую твердость характера, способность устраивать жизнь и одолевать, казалось бы, полную безысходность.

Дело в том, что Леонид Алексеевич был почти на 23 года старше невесты. Ко времени свадьбы ему уже исполнилось полных 47 лет. Анастасия стала его второй женой. От первого брака с Надеждой Александровной, урожденной Ганшиной²⁵, у него было пятеро детей²⁶. Большую часть жизни Леонид Алексеевич провел на различных чиновных должностях во Владимирской губернии. В печати и интернете часто встречается ошибочное указание на то, что он там был вице-губернатором. Однако документального подтверждения этого найти не удалось. Наиболее высокая официальная должность, которую он занимал при губернаторе – исполняющий дела секретаря губернского статистического комитета и неперменный член губернского присутствия.

В справочниках «Весь Петроград» на 1915–1916 гг. его род занятий значится как «литератор», и только в справочнике на 1917 г. (т.е. исходя из ситуации конца 1916 г.) указано: «секретарь Императорского Российского автомобильного общества».

Так же как у Е.Б. Биркган, брат А.М. Федосеевой (Лашиной) с первых дней германской войны находился на фронте. Однако если с августа 1914 г. о пропавшем без вести Гирше Биркгане ничего не известно, то о сотнике (позже – подьесауле, а затем есауле

²⁴ Ныне относится к Ярославской области.

²⁵ Н.А. Ганшина была дочерью крупного фабриканта, совладельца славившихся на всю Россию мануфактур «Товарищество братьев Овсянниковых и А. Ганшина с сыновьями». Ее братом, а значит шурином Леониду Алексеевичу после этой свадьбы стал знакомый советским студентам по обязательному курсу «Истории КПСС» Алексей Александрович Ганшин, который организовал и профинансировал летом 1894 г. в деревне Горки Переславского уезда Владимирской губернии нелегальное издание первой значимой книги молодого публициста В.И. Ульянова «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», тотчас выдвинувшей его в первые ряды революционных теоретиков.

²⁶ Николай (1892–1938), Борис (1894–1960), Вера (1895–1971), Сергей (1896–1968) и Глеб (1902–1967) Федосеевы.

1-го Кизляро-Гребенского полка Терского казачьего войска) Константине Лашине пишут газеты, его сестре регулярно приходят письма с фронта. Воспитанный отцом как беззаветный защитник отечества и слуга государю, он до безрассудства смело воюет, за что боевые награды следуют одна за другой: в 1915 г. – орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» [40], а за ним почти сразу же – Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом [41].

На рождение сестрой дочери Людмилы он пишет Анастасии, что не замедлит с новым подвигом в ознаменование рождения племянницы, и, действительно, в мае того же года «за отличия в делах против неприятеля» теперь уже подьесаул К. Лашин награждается орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами [42]. Следующая награда, орден св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, присваивается Константину Лашину посмертно.

Через два с половиной месяца после рождения племянницы Людмилы он героически погиб под местечком Гура. Выходившая в Тифлисе газета «Кавказ» так описывала его гибель: «в бою 5 июля 1915 года у мест. Гура, командуя сотней, несмотря на губительный огонь противника, [К.Лашин] ринулся со спешенной сотней на занявшую уже в образовавшемся прорыве наши окопы германскую пехоту, остановил ее движение вперед и дал возможность зайти нашим соседним частям в тыл противника; в конце боя героически пал, запечатлев свой подвиг смертью храбрых» [43]. К. Лашину шел 31 год.

В 1917 г., аккурат между двумя революциями, 25 июля, у Федосеевых рождается второй ребенок – сын Алексей. Но ему уже практически не придется застать прежний размеренный распорядок петербургского быта семьи.

Постепенно ухудшается снабжение столицы, многие соседи подумывают о том, чтобы перебраться в деревню, поближе к продовольствию. Но в фамильном имении мужа в Переславском уезде творилось что-то непонятное. В официальных отчетах начальству уездный земельный комитет доносил об отсутствии аграрных волнений, «кроме маловажных случаев, которые решались на месте» [44]. Однако при встрече переславские соседи и просто приезжающие с Владимирщины рассказывали об ином: деревенские самовольно захватывают луга, клевера и земли тех, кто не может дать жесткий отпор на месте. Под влиянием модных революционных идей и расплодившихся как тараканы прогрессивных агитаторов все больше крестьян требует передать им частновладельческие, удельные и церковные земли. В самом конце августа 1917 г. газета «Переславец» написала: «в имении братьев Федосеевых крестьяне сами поделили покосы, ранее сдаваемые помещиками в аренду» [45].

Грянул Великий Октябрь, за ним стрельба, аресты, голодная и холодная зима, весеннее наступление немцев на Петроград, убийства, грабежи. Леонид Алексеевич принимает решение покинуть Петроград и примкнуть к белым армиям юга России. С их разгромом он эвакуируется в Константинополь. У Анастасии на руках два ребенка, одного года и трех лет. Она следует за мужем, чтобы воссоединить семью. По словам ее дочери Людмилы, «ей это удастся только после трехмесячного пребывания в концлагере» [46]. О каком концлагере идет речь, установить не удалось. Возможно, что слово вообще использовалось в фигуральном смысле и обозначало пребывание в закрытых зонах, отведенных союзниками по Антанте русским беженцам, в Галлиполи или на острове Лемнос. Во всяком случае есть сведения о вынужденном пребывании семьи в Галлиполи [47].

Наконец, после долгих перипетий и страданий семье удалось соединиться и с помощью связей Л.А. Федосеева, при поддержке Оттоманского банка и Красного креста в октябре 1922 г. эвакуироваться через Грецию в Марсель. Но тут случается несчастье: в силу неясных теперь обстоятельств и причин «дети по дороге потерялись». Они были привезены во Францию как сироты, а по прибытии сданы в сиротские приюты. Людмиле тогда было чуть более семи лет, а Алеше менее трех. Точная хроноло-

гия и обстоятельства этой трагедии не ясны, однако, согласно воспоминаниям потомков и текстам интервью Людмилы Федосеевой, данным французским журналистам в 1940-е годы, Л.А. Федосеев «ни на минуту не прекращал поисков дети, которые нашлись по чистой случайности» [48; 47, стр. 326; 46].

Попав в эмиграцию, Леонид Алексеевич сильно сдал. Годы невзгод и лишений, постоянная неустроенность и бесконечные скитания навалились на него всей тяжестью. Как и большинство деятельных мужчин, он сильно страдал от беспомощности и бесполезности своего положения. Возраст давал себя знать. Очень хотелось стабильности и предсказуемости. Его здоровье сильно подорвала история с пропажей Люды и Леши. После тревожных и долгих поисков дети отыскивались в сиротских приютах соседних департаментов Франции. О переживаниях матери в интервью ее детей почему-то ничего не говорится, хотя это, конечно же, не значит, что Анастасии было все равно. Впрочем, некоторые косвенные указания и последующие события могут указывать на то, что в этот период отношения между пятидесятипятилетним супругом и его тридцатидвухлетней женой могли испытывать объяснимые трудности.

Видимо, чувство вины, обоснованное ли, нет ли, не покидало Л.А. Федосеева. Он, несмотря на возраст, пытался взвалить на себя бремя материальной поддержки семьи. Немного наивно и старомодно он дает объявления о поиске работы во французские газеты, позиционируя себя то как опытного сельхозуправляющего в поместье, то как инженера со знанием нескольких языков. Но имеющиеся свободные вакансии в основном предполагают тяжелый физический труд. В городе Кастельсаррасен, недалеко от Тулузы, Леонид Алексеевич нашел слишком тяжелую для его возраста работу, на которой и «сгорел». Прожив около полугода во Франции, куда попал с таким трудом, Л.А. Федосеев скоропостижно скончался 5 марта 1923 г. прямо на рабочем месте. Ему было 56 лет.

Теперь все заботы о детях и о самой себе ложились исключительно на плечи А.М. Федосеевой. У нее в запасе была профессия – зубной врач и умение шить и даже конструировать женскую одежду и шляпки. Она также не стала медлить с устройством личной жизни и уже в 1925 г. снова была замужем. Ее вторым супругом стал Иван Григорьевич Кривопатрия.

Сведений о нем крайне мало. Известно, что родился он в 1893 г. в городе Недригайлов²⁷ (в прошлом Харьковской губернии, ныне – Сумской области Украины). В 1915 г. мобилизован в армию. В феврале 1917 г. попал в германский плен. Практически ничего не известно о роде его занятий, кроме скорее всего касающейся именно его (имя и фамилия не столь уж распространенные) информации Дмитрия Галицина: «Другое “русское заведение”, «Яр», было открыто в начале 1923 года русским беженцем Иваном Кривопатрием, компаньоном беженца армянского происхождения Крикора Теваняна, на улице Пигаль, 63, напротив «Кавказского замка с погребом», в нескольких десятках метров от еще одного заведения, «Тройки», по адресу 26 rue Fontaine. Вскоре заговорили о «русском треугольнике» на Пигаль» [50].

В том же 1925 г. А.М. Федосеева перебирается в Париж, где устраивается частно-практикующим зубным врачом при клинике *Accidents du travail (Bul. Garibaldi, 18)*. С июня 1925 г. она трудится там без выходных 7 дней в неделю. Однако с сентября она перестает работать по воскресеньям, а утренний прием ведет по адресу: *François Corré, 8* [51]. Не ясно, произошел ли переезд в Париж до нового замужества или после

²⁷ В Недригайлове по сей день весьма распространена фамилия *Кривопатрия*. Возможно, это и была изначальная форма фамилии второго мужа А.М. Федосеевой, которая в латинской транскрипции писалась как *Krivopatria*. В самом раннем находящемся в распоряжении автора документе на французском языке, в котором он именуется мужем А.М. Лашиной (во вдовстве Федосеевой), относящемся к 1925 г., используется формула *Jean Krivopatria, dit Grivopatria*. (Иван Кривопатрия, называемый также Гривопатрия [49].

(и в связи с ним). Однако известно, что в газетных объявлениях 1925 г. о зубоврачебной практике она фигурирует как «зубной врач А.М. Федосеева» [52], а не Кривопатрия. Впрочем, возможно, с точки зрения привлечения клиентов, новая фамилия просто выглядела менее респектабельной.

От коллег врачей Анастасия Матвеевна узнает о возможности для русских врачей завербоваться для работы в Африку. Там дантисты требуются особо, и им обещают мало того что гарантированное, но еще и очень хорошее жалование. Однако в первые наборы русских врачей она не попадает. Люда только-только пошла в школу, а вскоре и Алеша должен будет начать учебу. В Африке нормальных школ нет – нужно оставаться во Франции. Но в конце 1927 г., когда дети уже учились в хороших школах, а финансовые трудности продолжали нарастать, Анастасия Матвеевна подписывает свой первый двухгодичный контракт на работу в Африке и отправляется трудиться в Верхнюю Вольту в качестве «помощника стоматолога».

Из Парижа в Уагадугу

«Чистое время» поездки из Парижа в Уагадугу по самому короткому маршруту с пересадками в Бордо и Гран-Бассаме (в то время главный город французской колонии Берег Слоновой Кости, БСК) в 1927 г. составляло 18 дней. Однако на деле уложиться в них было почти невозможно.

Во-первых, пароходная компания *Compagnie des Chargeurs Réunis*, в то время единственная, обслуживавшая регулярную «скоростную» линию из Бордо до Гран-Бассаме, отправляла туда свои суда только раз в 28 дней. Под это расписание нужно было подстраиваться с выездом из Парижа и перегрузкой багажа.

Во-вторых, в каждой из перечисленных выше точек стыковки происходила погрузка-выгрузка вещей, сопровождавшаяся, несмотря на то, что все эти пункты находились во французской юрисдикции, прохождением в каждом случае полного круга таможенных формальностей. И если в Бордо пересадочная пауза, видимо, заняла в общем ожидаемый по продолжительности отрезок времени, то в Гран-Бассаме А.М. Кривопатрии (в Африке она будет известна только под этой фамилией) пришлось застрять почти на полмесяца. Из Гран-Бассаме по железной дороге поехали на север до Феркесседугу, а оттуда уже на автомобиле до Уагадугу.

На Анастасию Матвеевну большое впечатление произвела африканская железная дорога. Колея у нее была намного уже, не только чем в России, где ходили просторные вагоны-пульманы, но даже чем французская, вечный предмет шуток русской эмиграции. Тем не менее, в вагонах для белых все удобства присутствовали: койка (за отдельную плату, дорого), умывальник и уборная с водяным смывом, имелся вагон-ресторан (правда, по мере удаления от побережья ассортимент блюд и количество столовых приборов в нем заметно убывало) и т.д.

В Уагадугу пришлось в основном работать в местном военном госпитале, хотя обращались туда и гражданские белые, а также узкий круг именитых африканцев, которых содержали и лечили отдельно от европейцев. Однако два раза в неделю она работала в городской больнице для черных, именуемой «диспансером». В Верхней Вольте (русские именовали ее по-французски *Haute Volta* – От Вольта), оказалось немало соотечественников, врачей и инженеров. Одним из первых она случайно встретила доктора Адамова, находившегося в Уагадугу перед отъездом в глубинку, в Фада. Тот охотно обстоятельно рассказал ей о местном быте, условиях работы врача и особенностях местных нравов – туземных и чиновных. В ответ на опасение А.М. Кривопатрии, что в таком глухом месте, наверно, единственное, чем можно заниматься, так это работой, доктор Адамов грустно заметил, что ей все-таки повезло: Уагадугу – главный город коло-

нии, до этого почти 500 лет он был столицей африканской Империи Моси. Это назначение лучше, чем гарнизонный госпиталь в *brousse*²⁸.

В начале своего пребывания в Африке А.М. Кривопатрия, наверно, не могла еще в полной мере оценить правоту его слов. В ее представлении городом Уагадугу можно было назвать только условно. В конце 1920-х гг. это был скорее гарнизонный городок, протянувшийся примерно на два километра вдоль дороги в междуречье рек Черная и Белая Вольта. Главная улица – *avenue de Gouvernement* упиралась в огромный пустой армейский плац, раскинувшийся за военным кварталом. На авеню располагались все ключевые колониальные офисы и службы – почта и телеграф, «дворец правосудия», туземный трибунал и управление здравоохранения, а на востоке, в самом начале проспекта, комплекс дома правительства и дворца губернатора. Строго под углом в 45 градусов от *avenue de Gouvernement* уходила дорога на Фаду, где работал доктор Адамов. В образованном таким образом равнобедренном треугольнике размещался европейский квартал. В плане он представлял собой решетку из 5 параллельных улочек, взаимно пересекавшихся под прямым углом, разделявших колониальные домики-виллы, в которых жило почти все белое население, занимавшее административные должности.

Как выяснилось, в военном городке был свой небольшой, но неплохо оснащенный госпиталь. Больница для черных, именуемая «диспансер» находилась примерно на километр южнее *avenue de Gouvernement*. В самом центре города располагался рынок, западная сторона которого ограничивалась городской тюрьмой и жандармской казармой. За рынком, в полукилометре к югу, – городское кладбище, тоже поделенное на европейское и туземное.

Африканцы жили в двух компактных кварталах, именовавшихся *Villages Indigènes* – туземными деревнями. Одна из них была как-то неестественно втиснута между правительственным кварталом, военным городком и школьным участком. Другая отстояла примерно на километр в юго-западном направлении от армейского плаца и лежала вдоль дороги на Боромо. В общем, городишко был компактный. Все в пределах пешей доступности, хотя по жаре белые по улицам практически не ходили.

А.М. Кривопатрия довольно быстро влилась в размеренную жизнь города и европейской колонии. Работы оказалось не так уж много. По вечерам белые обычно собираются компаниями, слушают граммофон и пьют. Мужчины играют на бильярде или обсуждают предстоящую охоту. Почти наверняка они оживленно обсуждают еще что-то, но дамы делают вид, что эти темы им неизвестны. Деньги тратить особенно не на что. На городском рынке на товары повседневного спроса цены после Парижа кажутся бросовыми. Цыпленок стоит полтора франка. Яйца, чтобы не портились, покупали ежедневно поштучно: два яйца – два сантима. Понятно, что сама Анастасия Матвеевна за такими покупками на рынок не ходила. Едой, уборкой и уходом за хозяйкой занималась служанка-африканка. За дворовое хозяйство, ремонт и крупную уборку, как и у всех белых, отвечал черный «бой». Он же следил за остальными африканцами, с которыми приходилось иметь дело – чтобы не лодырничали, не приворовывали и не водили родственников и соплеменников.

Эта особенная «Точка-G»

В Верхней Вольте Анастасия Матвеевна отслужила почти два года. За это время она несколько поправила материальное положение и могла рассчитывать оплатить образование детей и даже немножко поднакопить денег впрок, если не случится неприятных сюрпризов в ближайшие годы. Она вроде бы даже втянулась в скучную рутину жизни вдали от европейских столиц.

²⁸ *Brousse* – (фр.) удаленный район, глушь, дебри. Ср.англ. «буш».

Однако в начале июля 1929 г. пришел приказ губернатора о ее переводе в госпиталь с военно-топографическим наименованием «Точка G» (*Point G*) в Бамако, столице Французского Судана²⁹. Свое наименование госпиталь получил от пункта топографической привязки на старых французских военных картах местности – вершины холма, господствующего над Бамако.

А.М. Кривопатрия как врач с более чем годичным опытом работы в ФЗА была много слышана об уникальной больнице Точки-G (*Hôpital du Point G*) и последние несколько недель жила ожиданием знакомства с новым местом. В то время это был один из лучших, если не самый лучший медицинский комплекс во всей Французской Западной Африке, с большим количеством европейских врачей и недавно поставленным оборудованием. При нем функционировала расположенная в отдельном здании лаборатория, позволявшая врачам помимо лечения вести и чисто научную работу. Многие из работавших в Точке-G докторов публиковались в научных медицинских журналах той поры.

Одновременно Анастасия Матвеевна несколько опасалась неприятных сюрпризов. За работу в Точке-G шла невятная подковерная борьба. В ноябре 1928 г. в Судан³⁰ из Верхней Вольты была переведена супружеская пара Берá (*Berat*), ее хорошие знакомые по Уагадугу из состава вспомогательного медперсонала колонии. Они тоже думали, что будут работать если не в самой Точке-G, то хотя бы в госпитале медицинской помощи туземцам (АМИ), что в нижней части Бамако. Однако их отправили трудиться в Бугуни, городок, расположенный на 170 км южнее Бамако, на самом деле – в большую деревню, правда, имеющую свою амбулаторию. Там А.М. Кривопатрии хотелось бы обитать еще меньше, чем даже в Уагадугу. Но все-таки такой сценарий был маловероятен. Европейцев в таких местах, включая все округу, в лучшем случае, дюжина-полторы. Белого специалиста-стоматолога там держать не станут. Другое дело супруги Берá – фельдшер и акушерка.

Переезд в Бамако вызвал полное удовлетворение. Во-первых, само путешествие туда оказалось не слишком обременительным. Во-вторых, ей сообщили, что в городе и ближайшей (по африканским понятиям) округе почти десятков русских врачей и инженеров, а может, и больше. Правда, со временем выяснилось, что это хоть и правда, но мало что значит: расстояние в сотню-другую километров разбросанные по разным географическим точкам соотечественники не очень-то готовы были преодолевать даже на автомобилях, что уж говорить о более отдаленных населенных пунктах.

В-третьих, о Точке-G среди врачей шла громкая слава по всей Западной Африке. Работающий там состав колониальных медиков считал, что они трудятся в особом месте и весьма гордился этим. По приезду А.М. Кривопатрии оказали радушный прием. Ее принял начальник санитарной службы колонии. Был с ней весьма любезен. Сообщил, что дантистов не хватает вообще, а хирург-стоматолог она в настоящее время единственный, поскольку ее предшественник-француз уже несколько месяцев как завершил свой контракт и покинул Судан, а нового доктора никак не пришлют. Эти слова показали Анастасии Матвеевне до боли напоминающими приветственную речь ее вольтийского начальника в первый день работы в Уагадугу. Однако в отличие от того, нынешний начальник не пошел сам показывать ей новое место работы, а вызвал помощника,

²⁹ Возможные современные ассоциации и аллюзии феминистского свойства название «Точка-G» у А.М. Кривопатрии тогда не вызывало, поскольку немецкий доктор Эрнст Грэфенберг, в память о ком и была названа локация будущего феминистского символа сексуального раскрепощения женщины, выступит с гипотезой о наличии особой эрогенной зоны только в 1950 г., а сам термин, благодаря американцам Джон Д. Перри и Биверли Уиппл, появится в научной медицинской литературе лишь в 1981 г. О связи с современным феминизмом см.: [53]. Госпиталь сохраняет свое наименование по сей день.

³⁰ Здесь и далее по тексту статьи, если не оговаривается особо, название Судан, используется согласно хронологическому контексту и означает колонию Французский Судан (ныне Мали) в ФЗА, а не одноименное англо-египетское владение в восточной части Африки.

который и познакомил ее с расположением, распорядком и особенностями функционирования Точки-*G*.

А.М. Кривопатрии показалось, что город Бамако по-своему красив, но организован несколько сумбурно. Когда перед поездкой она изучала карту Судана, у нее сложилось представление, что столица колонии расположилась на берегу Нигера. В жизни же оказалось, что она находится на некотором удалении от реки, а к воде выходят только порт и городская бойня, выше по течению еще стоит несколько производственных предприятий, которым нужна вода. Сам город расположен в низине на некотором отдалении от реки. Здесь живет основное африканское население и расположены туземный госпиталь и микробиологическая лаборатория. Вообще самую первую больницу для местных жителей открыли в Бамако еще в 1903 г. Она располагалась в здании, стоявшем напротив нынешнего Главпочтамта. Но город быстро рос. Еще быстрее увеличивалось европейское население. В год приезда А.М. Кривопатрии в столицу Французского Судана (1929) в городе жили примерно 16 тыс. человек, в том числе около 600 европейцев [54].

Над городом с северо-запада и с северо-востока господствуют два холма. На первом раскинулся административный квартал. Здесь находится резиденция губернатора и почти все органы власти и правительственные учреждения. Этот район носит название Кулуба. На старых военных картах холм именовался Точка-*F*.

Второй парящий над городом холм и есть Точка-*G*. Здесь располагаются главный европейский госпиталь, медицинские лаборатории, вспомогательные учреждения. *Hôpital du Point G* (Больница Точки-*G*) был создан в 1906 г. на площади 25 гектаров. До 1958 г. он находился в ведении французских военных врачей. Комплекс расположен на высоте 83 метров над уровнем реки Нигер. В год приезда А.М. Кривопатрии три отделения, именуемые павильонами и с архитектурной точки зрения являющиеся таковыми, были отведены мужчинам-европейцам, одно было женским и одно для туземцев. Больница в те времена могла принять 40 европейцев и 60 местных жителей. Как видно из приведенного соотношения, все «туземные койки» размещались в одном отделении [55].

Конечно, это был не Петербург и не Париж, но в сравнении с тем, что она уже видела в Африке, Бамако казался современным и даже крупным городом (по занимаемой территории он таковым и был). В нем даже имелось бесперебойно функционирующее отделение беспроводной связи с Европой, синемá, дансинг-клуб, бега и небольшой аэродром с несколькими не самыми новыми, но работоспособными самолетами (редкость для тогдашней ФЗА). Губернатор развернул городское строительство.

В общем, если не считать беспокойных мыслей об оставшихся в Париже детях, пребывание во Французском Судане стало едва ли не самым приятным отрезком послереволюционной жизни Анастасии Матвеевны. Она обеспечена, самостоятельна и востребована едва ли не всем городом. Правда работать пришлось не только в госпитале для европейцев Точке-*G*, в котором она числилась помощником-стоматологом. Ввиду нехватки специалистов ей были определены рабочие часы в туземной больнице. Кроме того, приходилось регулярно посещать гарнизон, тюрьму и училище. Но это были приятные хлопоты.

Из Судана в БСК

С начала 1931 г. экономическая ситуация в ФЗА начинает заметно ухудшаться. Сказываются кризисные явления в хозяйстве метрополии, неблагоприятные погодные условия в зоне Сахеля и на побережье Гвинейского залива и новые вспышки эпидемий. Колониальные власти пытаются решить проблемы путем оптимизации системы управления ФЗА и целевыми инвестициями в «болевы́е точки». Радикальные шаги предпринимаются в 1932 г.: в рамках административно-территориальной реформы с карт фран-

цузских владений исчезает Верхняя Вольта, в которую А.М. Кривопатрия была направлена по своему первому контракту с министерством колоний. С 5 сентября 1932 г. вольтийская территория поделена в рамках ФЗА между Нигером, Французским Суданом и Берегом Слоновой Кости. Одновременно планируются некоторые изменения в системе медицинского обеспечения и охраны здоровья туземцев. Анастасию Матвеевну эти перемены напрямую не касаются, но вселяют некоторое беспокойство. Через полгода у нее заканчивается срок второго контракта. Она собирается воспользоваться положенным отпуском. Она хотела бы возобновить трудовой договор и, если сложатся звезды, вернуться в госпиталь «Точка-С» в Бамако. Здесь у нее прекрасные условия для работы, а для проживания – намного лучше, чем в Париже.

Когда голова не занята работой и текущими заботами, ее мысли обращаются к оставшимся во Франции детям, растущим который год без матери. Сын и дочь, им сейчас, соответственно, 14 и 17 лет, формально на попечении отчима – И.Г. Кривопатрии³¹. Оба учатся и даже приезжали к ней на каникулы в Африку. За учебу надо платить, а это значит, что Анастасии Матвеевне нужно во что бы то ни стало получить новый африканский контракт. Заработка тогда хватит на небогатое, но приемлемое обеспечение всех текущих затрат семьи и на продолжение учебы детей. Чтобы получить среднее образование Алексею еще надо учиться несколько лет, он пока в *коллеже*. А вот дочь Людмила уже завершает обучение в одном из старейших известнейших женских лицеев Парижа, *Lycée Molière*.

Изначально консервативный, он в конце 1920-х – начале 1930х гг. превратился в очаг распространения женской эмансипации (особенно с точки зрения отстаивания прав при оплате женского труда и участия в политике), поскольку был очагом воспитания, образования и подготовки женской части французской элиты в начале XX века.

Был ли выбор именно этого лица для А.М. Кривопатрии осмысленным решением, отражавшим ее собственные взгляды на эмансипацию, или просто так сложились обстоятельства сегодня однозначно сказать трудно. Очевидно, что подобный жизненный вектор импонировал характеру нашей героини и всему ее прошлому жизненному пути от родной северокавказской станицы до африканских пустынь. Но возможно и более повседневно-бытовое объяснение. В 1920-1930 гг. в этом лицее обучалось довольно много (до 22% от общего числа) [56] дочерей русских эмигрантов: три Наташи (Сорокина, Абаза, Ильина), Сара Шапиро, Лиля Тагер-Гарель... [57] Возможно, просто кто-то из русских эмигрантов посоветовал Анастасии Матвеевне или ее мужу определить дочь именно в этот лицей.

Нравилось ли это А.М. Кривопатрии или нет, но период начала африканского этапа ее жизни совпадает с тем, что руководство *Lycée Molière* решительно встает на путь либерализации условий воспитания девушек-учениц средней школы и даже возглавляет в Париже борьбу за большую свободу для них и в целом за женскую эмансипацию. Согласно новым правилам лицея, ученицы не обязаны больше приходить в сопровождении горничной, могут посещать соседние кинотеатры («Отей-Бон Синема» или «Александра» на улице Пасси) и слушать радио. С 1926 г. в лицее даже проводятся танцевальные вечера. При учительской комнате создана курилка. Появился женский джаз-оркестр. Идеи феминизма во все более открытом виде распространяются среди учениц. С 1936 по 1939 г. в старших классах даже преподает философию его икона – Симона де Бовуар. Правда, в 1939 г. она будет уволена после того, как всплывет наружу ее роман с ученицей, Бьянкой Бьененфельд; но к тому времени Людмила Федосеева уже закончит лицей.

³¹ К сожалению, сведений о профессиональной деятельности А.М. Кривопатрии, уровне его доходов и степени его участия в материальной поддержке детей Анастасии Матвеевны от первого брака разыскать не удалось. В то же время известно, что он выступал в качестве представителя детей в правовых ситуациях.

Однако в 1932 г. Анастасия Матвеевна, ее дочь и сын думают пока лишь о продолжении учебы и о том, где взять на это достаточно денег. Людмила колеблется в выборе профессии между хирургией и театром. В результате она подает документы в консерваторию, где пройдет по конкурсу до второго круга, но в конце концов поступит в университет на филологический. Статус апатридов, лиц, не имеющих гражданства, создает массу проблем в повседневной жизни и в карьере. В 1932 г. принимается решение всей семьей подать прошение французским властям о натурализации.

В апреле 1932 г. завершается очередной контрактный срок, и А.М. Кривопатрия возвращается во Францию в отпуск, который решено посвятить подготовке и сбору документов и хождению по инстанциям. 15 апреля Анастасия Матвеевна на пароходе «Туарег» прибывает в Марсель. Двухнедельное морское путешествие первым классом (но второй категории) – платит правительство – она рассматривает как заслуженную награду за тяжелую работу в глубине континента. На судне, в ресторане первого класса за четырехместным столиком с ней сидят доктор Мюнье с супругой и инженер-агроном Бальтест. Однако за соседними столиками – высокопоставленные колониальные чиновники: шеф-администратор колоний Дуалы г-н *Cortade*, администратор колонии в городе Котону *Colombani*, комиссар полиции Конакри и др. [58] Полезные знакомства на будущее.

В Париже, пока документы на натурализацию были собраны и переданы в надлежащие инстанции, настало время возвращаться в Африку – контракт был продлен, с учетом следующего отпуска до 1935 г. Однако в любимую Точку *G* она уже не вернулась. Согласно новому предписанию, ее переводили в госпиталь Абиджана, где в рамках проводимых в ФЗА реформ была введена отсутствовавшая ранее ставка помощника стоматолога.

Берег Слоновой Кости (БСК) тогда действительно переживал существенные перемены. В колонии была запущена Программа экономического и социального действия. В 1934 г. столица БСК была перенесена в Абиджан (до этого главными городами колонии последовательно были Гран-Бассам и Бенжервиль). В этой связи и было решено расширить городскую больницу и создать в ней дополнительное место (помощника) стоматолога. А.М. Кривопатрии было назначено следующее денежное содержание (в год): 36 822 франков, в том числе оклад 18 000, колониальная надбавка 12 600, военная надбавка (обслуживание военных составляло часть ее обязанностей) 3 600, надбавка ФЗА «за дороговизну» («сахельские») 6 222, должностная надбавка – 3 284, подъемные – 4 000 [59].

К сожалению, подробностей об ивуарском этапе жизни А.М. Кривопатрии найти не удалось. Известно только, что именно в период работы Анастасии Матвеевны в БСК, 1 октября 1933 г. ее дочь Людмила заключает свой первый контракт фотомодели с открывшимся в том же году домом моды *Vera Borea*. Тогда ей было 18 лет. Ее «открыл» работавший тогда на парижский журнал *Vogue* будущий классик фотоискусства Хорст П. Хорст. Она уже училась в университете и, чтобы иметь карманные деньги подрабатывала посылной. В дальнейшем она станет одной из самых высокооплачиваемых манекенщиц, знаменитой Мадемуазель Люд, которой платят 300 франков за сессию, музой гения фотографии Хорста П. Хорста. Пик ее карьеры придется на годы войны и немецкой оккупации.

Сына А.М. Кривопатрии Алексея призовут в армию, и он сразу же попадет в плен. Все годы войны он проведет в немецком лагере для французских военнопленных *STALAG VIII*, в Загане (ныне Жагань, Польша). Фашисты поместили туда значительную часть сдавшихся французов после поражения Франции в войне в 1940 г. Под *STALAG VIII* гитлеровцы использовали территорию старого польского концлагеря для силезских немцев, созданного Варшавой после заключения Версальского мира. Условия содержания французских военнопленных в *STALAG VIII* принципиально отличались от положе-

ния советских солдат и офицеров. Фашисты «в соответствии со статьей 17 Женевской конвенции 1929 года» разрешают французским пленным организовывать творческие кружки: литературные, художественные, музыкальные и театральные. Лагерь регулярно посещают представители Международного Красного креста. Разрешено получение посылок от родственников и переписка с ними. После инспекционного визита 3 декабря 1940 г. в *STALAG VIII* Международный Красный Крест официально признает условия содержания в нем военнопленных образцовыми [60].

Алексей Федосеев серьезно занимается живописью и пишет в лагере стихи. В ноябре 2015 г. на одном из французских аукционов была продана написанная им в 1942 г. гуашью картина «Угрюмые свадьбы». На полях карандашом стихотворные строки: «Те угрюмые свадьбы пахнут заходом солнца, а судьба сжимает счастье вечным страхом» [61]. Сыну А.М. Кривопатрии в те дни исполнилось 25 лет.

После войны жизнь всей семьи во Франции не складывается и после нескольких лет мытарств они переезжают в Латинскую Америку. В марте 1947 г. сын перебирается в Бразилию, а 25 Августа 1948 г. Анастасия Кривопатрия на борту парохода *Desirade* прибывает из Бордо в Буэнос-Айрес, где получает вид на жительство. К ней приезжает Людмила. Она беременна и через три месяца рождает ей внучку. Всего же у А.М. Федосеевой-Кривопатрии, урожденной Лашиной, будет четверо внуков, продолжателей фамилии Федосеевых. Анастасия Матвеевна успеет еще съездить в Бразилию, в США и во Францию. Она умрет в 1967 г.

Заключение

Наше исследование и два его ключевых объекта – героини данного очерка – хронологически, исторически и субстантивно принадлежат ко времени двух первых волн столь разных в социальном плане явлений, как русская эмиграция и феминизм. Во власти обеих волн они оказались не по собственной воле. Более того, если интегральной частью русской послереволюционной эмиграции во Франции и Е.Б. Биркган, и А.М. Федосеева-Кривопатрия себя признавали и юридически, и эмоционально, то феминистками они себя, насколько известно, не обозначали, и все наши рассуждения построены только на сущностной характеристике их действий, образа жизни и социальных отношений, исходя из **сегодняшнего** видения и научной интерпретации феномена феминизма.

Однако любой, кто захочет попросту списать со счетов роль устоявшихся социальных конвенций в отношении женщин в европейском сегменте колониального общества в глубинке Тропической Африки, погрешит против истины. Эти конвенции были крайне жесткими и для женщин, обладающих определенными привилегиями в силу своего профессионального статуса (врачей, учителей и т.п.), и для простых домохозяек. В нашем же случае следует подчеркнуть, что в том обществе даже русским эмигрантам-мужчинам приходилось ежедневно отстаивать свои права и добиваться не то что равного с французами отношения к себе (об этом не могло быть речи в силу действовавшего законодательства метрополии), а лишь честного и исправного выполнения всех прописанных в их в контрактах обязательств французского работодателя.

Е.Б. Биркган и А.М. Федосеева-Кривопатрия самым своим примером (да наверное, и всей своей жизнью, как до так и после эмиграции из России), деконструировали современные им конвенции и мифы о способностях и «положенном» их полу месте. Изучение и анализ их жизненного опыта и практик расширяет наши знания об эмпирической реальности женщин в дореволюционной России и в эмиграции и вносит определенный вклад в теорию феминистских и – шире – гендерных исследований сегодняшнего дня.

Повторим: ни та, ни другая героиня исследования не являлись примерами и тем более явными сторонницами феминизма, тем более феминистского сепаратизма³². Общим женщинам исподволь импонировало расшатывание сковывавшего их жизнь патриархата во многих его аспектах и разрушение мужского контроля, но, как представляется, во имя не столько общегендерных, а прежде всего из их собственных практических интересов. Своими усилиями они добились для себя экономической свободы, но ни у той, ни у другой не было желания (а может быть уже не было сил) целенаправленно биться за более грандиозные цели политического и социального освобождения женщин. Другими словами, не вовлекаясь в политику как феминистки, они, де-факто, своей карьерой в Африке реализовали феминизм как политику в сущностной основе его сегодняшнего понимания – как принцип свободы выбора женщиной пути самореализации.

Источники

1. General Ledentu (1927) . Répartition actuelle de la trypanosomiase humaine en Afrique Equatoriale Française, par G. Ledentu et M. Vaucel. *Bulletins de la Société de pathologie exotique et de sa filiale de l'Ouest africain*. 1927, tome 20. Paris : Masson, 1927, p. 511.
2. Tardif, D-r. (1926) Cinq observations de fièvre bilieuse hémoglobinurique traitée par la méthode de Boyé (sérum antivenimbux). *Annales de la Médecine & Pharmacie Coloniales*. Tome 24. Avril-mai-juin 1926, p. 219.
3. *Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: биограф. словарь в 3 т.* (под. общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской) Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.
4. Woolf, Virginia. *A Room of One's Own and Three Guineas*. Oxford: OUP. 2015, p. 185.
5. *L'émigration des femmes aux colonies: allocution de M. le comte d'Haussonville et discours de M.J. Chailley-Bert à la conférence donnée le 12 janvier 1897 par l'Union coloniale française*. Paris. A. Colin. 1897, p. 41.
6. D'Haussonville (1898). Les Non-Classés et l'Émigration des femmes aux colonies. *Revue de Deux Mondes*. Paris. 1898. Année LXVIII. Quatrième période. T. 147, p. 42.
7. Académie des sciences d'outre-mer. *Comptes rendus mensuels des séances*. Paris. 1933. T. 14, p. 504.
8. Сведения из письма П. Короткова. Копия документа в личном архиве автора, (далее сокр. – КДЛАА).
9. От Правления Общества русских врачей имени Мечникова. «Возрождение». Париж. V. 2. № 523. 7 ноября 1926 г.
10. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Фонд Р-2815. Комиссариат здравоохранения Союза коммун Северной Области. Опись 2. Личные дела медицинского и обслуживающего персонала. Биркган Е.Б. ЦГА СПб. Фонд Р-2815. Опись 2. Дело 380.
11. Копия выписки из метрической книги, выданной Фридрихштадтской городской управой и заверенной Фридрихштадтским раввином за № 87 от 29 мая 1912 г. (КДЛАА).
12. *Вадемекум по высшему женскому образованию. Полный сборник правил приема и программ всех высших женских общеобразовательных специальных и профессиональных, правительственных, общественных и частных учебных заведений в России*. Составил Д. Марголин. Киев: Книгоиздательство И.И. Самоненко. 1915 г., с. 4.
13. Université de Genève. *Liste des autorités, professeurs, étudiants et auditeurs*. Sémiestre d'hiver 1907-08. (Octobre-Avril). Genève : Imprimerie J. Studer, Rond-point de Plainpalais. 1908.
14. Conditions d'immatriculation. Université de Genève. *Programme de cours du sémiestre d'hiver 1907-08*. (Ouverture: 15 Octobre 1907 – Clôture 22 Mars 1908). Genève. Imprimerie J. Studer, Rond-point de Plainpalais. 1907, p. 50.

³² В отношении Е.Б. Биркган, особенно в более зрелом возрасте, такие допущения, возможно, не совсем уж безосновательны. Например, в современной трактовке, по сути феминистскими выглядят ее слова о неизбежно извечно подчиненном (т.е. субальтерном. – Л.Ф.) положении православной России как женского начала в мире, устроенном по патриархальным законам иудейско-христианского Запада.

15. Université de Genève. *Liste des autorités, professeurs, étudiants et auditeurs*. Sémiestre d'hiver 1907-08. (Octobre-Avril). Genève : Imprimerie J. Studer, Rond-point de Plainpalais. 1908, p. 59.
16. INSA (1982): Inventar der neueren Schweizer Architektur, 1850–1920. Band 4. Städte Delémont, Frauenfeld, Fribourg, Genève, Glarus. Gesellschaft für Schweizerische Kunstgeschichte. Bern. 1982, S. 373.
17. Свидетельство № 701 от 24.02.1912 (КДЛИАА) – *грамматика документа сохранена*.
18. Чертежи дома на участке, принадлежавшем Н.И. Львовой, наследникам Сорокиным по Забалканскому пр., 61 и Софийской ул., 1. 1875–1905. 26л. (ЦГИА СПб. Фонд 513. Описание 102. Дело 5434); Чертежи дома Ф. И. Сорокина по Забалканскому пр., 61 и Софийской ул., 1. 1917 г. 20л. (ЦГИА СПб. Фонд 515. Описание 4. Дело 3393).
19. Списки потерь 138 пехотного Болховского полка с 15 авг. по 2 сент. 1914 г. (уточненные) https://genroge.ru/rmbgw_1914-1918/pdf/RMBGW_v.I_add_093-246_part-II.pdf (дата обращения 2020-12-12)
20. Журнал военных действий 138-го пехотного Болховского полка с 17 июля по 21 октября 1914 г., с. 7–8. (Российский Государственный Военно-исторический архив. Далее – РГВИА) Фонд: № 2752, 138-й пехотный Болховский полк. Описание: № 2, Штаб полка. Дело: № 79, Журнал военных действий 138-го пехотного Болховского полка). <https://gwar.mil.ru/documents/view/?id=51541767> (дата обращения 2020-12-12)
21. Трудовая книжка Г.Б. Биркгана, с. 8 (КДЛИАА).
22. Трудовая книжка Е.Б. Биркган, с. 6 (КДЛИАА).
23. Прощение А.Г. Биркган (КДЛИАА).
24. *Latvijas ārstu, zobārstu, vecmāšu, aptieku un slimnīcu saraksts.* (Список латвийских врачей, стоматологов, акушеров, аптек и больниц). Pielikums pie. Vadoņa pa Latviju, i Rīgā. Izd. A. Smidts. 1924, с. 1 (in Latvian).
25. *Latvijas Tirdzniecības un Rūpniecības Adresu grāmata*. 1924. gads. Rīga. J.A. Kukurs. 1924.
26. *Valdības rīkojumi un pavēles* (Государственные распоряжения и постановления). *Valdības Vēstnesis*, Nr.186 (19.08.1924), p. 1.
27. *Le Concours médical*. Paris. 21 février 1926, p. 424.
28. *Journal officiel de l'Afrique équatoriale française* (далее *JOAEF*). Brazzaville. 01 juin 1925, p. 313.
29. *Bulletin de la Société de Pathologie exotique*. 1927, p. 512.
30. *JOAEF*. 15 avril 1926, p. 256.
31. *JOAEF* 15 septembre 1929, p. 945.
32. *JOAEF* 01 mars 1934.
33. *JOAEF* 1er Février 1937, p. 205.
34. *L'Étoile de l'AEF*. Brazzaville. 16 janvier 1932, p. 9.
35. *Терский календарь. на 1898 г.* Владикавказ. Тип. Терского обл. правления. 1897, с. 301.
36. *Терский календарь на 1908 г.* Владикавказ. Тип. Терского обл. правления. 1907, с. 7.
37. Центральный Государственный Архив. Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 54. Оп. 3. Д. 800. Л. 10.
38. ЦГИА СПб. Фонд 436. Описание 4. Дело 2357.
39. Цит. по: Добронравов В.Г. *Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии*. Выпуск 2: Переславский и Александровский уезды. Владимир. Типо-литография В.А. Паркова, 1895, с. 156.
40. *Терские ведомости*, 1915 г. 25 января, 4 февраля.
41. *Терские ведомости*, 1915 г. 27 февраля.
42. *Кавказ*, 1915 г., 24 мая.
43. *Кавказ*, 1916 г., 24 сентября.
44. Государственный архив Владимирской области (далее ГАВО). Ф. Р-968. Оп. 1. Д. 6. Л. 62.
45. Аграрные беспорядки. *Переславецъ*. 1917. 31 июля (№ 11), 7 августа (№ 12).
46. *Les femmes du monde entier connaissent cette inconnue. 7 jours 1942*. Paris, p. 12.
47. Васильев А. *Красота в изгнании*. М.: Слово. 2008, с. 326.
48. Serridos J. *La jeune fille, qui se fait photographeur. Le Petit journal*. (Paris). 16 juillet 1942.
49. *Справка, выданная И.Кривопатрии*. 19 ноября 1925 г. (КДЛИАА).

50. Galitzine D. *Le monde des musiciens tziganes russes à Paris*. Transformation des cadres artistiques et réseaux familiaux dans l'entre-deux-guerres (eds. About I. et Bordigoni M.). *Presences tziganes: enquêtes et expériences dans les archives*. 2018. P.: Editions Le Cavalier Bleu, p. 324.
51. *Возрождение*. Париж. 11 сент. 1925, с. 4, кол. 2.
52. *Возрождение*. Париж. 16 июля 1925, с. 4, кол. 2.
53. Colson M.H. *Idées reçues sur la sexualité féminine*. Paris. Le Cavalier Bleu. 2007, p. 127.
54. *Le Temps*. Paris. 13 mai 1930.
55. Guisse, Amadou Malick. *Bamako : des origines à 1940*. Bamako : s. n., 2010. 111 p.
56. Schor, Ralph. *L'opinion française et les étrangers en France*. Publications de la Sorbonne, 1985, p. 365.
57. *Bulletin 2008 de l'Association amicale des anciens et anciennes élèves du lycée Molière*, 2008, p. 21–22.
58. *Le Petit Marseillais*, 15 avril 1933, p. 10.
59. *Budget Local de la Côte d'Ivoire*. Projet de budget du service local. 1932, p. 117.
60. Durand, Yves. *La captivité : Histoire des prisonniers de guerre français 1939–1945*. Fédération Nationale des Combattants Prisonniers de Guerre et Combattants d'Algérie. Tunisie, Maroc, 1980.
61. INTERENCHERES. Liste client 28.11.15. http://media.interencheres.com/231/2015/11/20/092547_48a87ffa0a639350e5c8538d4cf1e0b3.pdf (дата обращения 2020-06-26)

PORTRAIT OF TWO LADIES IN HOSPITAL INTERIORS OF COLONIAL AFRICA

© 2021 Leonid Fituni

FITUNI Leonid L., Prof., DSc, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, RAS. Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka str., 30/1, e-mail: africa.institute@yandex.ru

Annotation. *The article examines the fate of two Russian women doctors who worked in the 1920s–1930s in French Western and French Equatorial Africa. The purpose of the research is not only to tell the reader in detail about the life path and work in Africa of two Russian emigrants of the first wave, but also to look inside and to analyze historical material from the point of view of women's experience and understanding of specific social and personal-psychological life collisions arising from the gender-determined circumstances of their emigrant life.*

Keywords: *history of Russian emigration, women's studies, women's history, gender history, gender relations, feminism, colonial medicine, E.B. Birkhan, A.M. Fedoseeva-Krivopatria*

DOI: 10.31132/2412-5717-2021-55-2-104-135

References

General Ledentu (1927) . Répartition actuelle de la trypanosomiase humaine en Afrique Equatoriale Française, par G. Ledentu et M. Vaucel. *Bulletins de la Société de pathologie exotique et de sa filiale de l'Ouest africain*. 1927, tome 20. Paris : Masson, 1927, p. 511.

Tardif, D-r. (1926) Cinq observations de fièvre bilieuse hémoglobinurique traitée par la méthode de Boyé (sérum antivenimeux), *Annales de la Médecine & Pharmacie Coloniales*. Tome 24. Avril-mai-juin 1926, p. 219.

Russian abroad in France. 1919–2000, biogr. dictionary in 3 volumes, under the general editorship of L. Mnukhin, M. Avril, V. Lossky. Nauka. Marina Tsvetaeva House-Museum, 2008-4. Woolf, Virginia. *A Room of One's Own and Three Guineas*. Oxford: OUP. 2015, p. 185.

L'émigration des femmes aux colonies: allocution de M. le comte d'Haussonville et discours de M. J. Chailley-Bert à la conférence donnée le 12 janvier 1897 par l'Union coloniale française. Paris: A.Colin. 1897, p. 41.

D'Haussonville (1898). Les Non-Classés et l'Émigration des femmes aux colonies. *Revue de Deux Mondes*. Paris.1898. Année LXVIII. Quatrième période. Tome 147, p. 42.

Académie des sciences d'outre-mer, *Comptes rendus mensuels des séances*. Paris. 1933. Tome 14, p. 504.

Information from the letter of P. Korotkov. A copy of the document is in the author's personal Archive.

From the Board of the Mechnikov Society of Russian Doctors. "Vozrozhdenie". Paris. V. 2. No. 523. November 7, 1926.

The Central State Archive of St. Petersburg (hereinafter referred to as the Central State Archive of St. Petersburg). The R-2815 Foundation. Commissariat of Health of the Union of Communes of the Northern Region. Inventory 2. Personal files of medical and service personnel. Birkhan E.B. (Central State Administration of St. Petersburg. Collection R-2815. Inventory 2. Case 380).

A copy from the metric book issued by the Friedrichstadt City Council and certified by the Friedrichstadt rabbi for No. 87 dated May 29, 1912 (CDLA).

Vademecum for higher women's education. A complete collection of admission rules and programs of all higher women's general educational special and professional, government, public and private educational institutions in Russia. Compiled by D. Margolin. Kiev: I. I. Samonenko Book Publishing house. 1915, p. 4.

Université de Genève. *Liste des autorités, professeurs, étudiants et auditeurs*. Sémiestre d'hiver 1907–08. (Octobre-Avril). Genève. Imprimerie J. Studer, Rond-point de Plainpalais. 1908.

Conditions d'immatriculation. Université de Genève. *Programme de cours du sémiestre d'hiver 1907–08*. (Ouverture: 15 Octobre 1907 – Clôture 22 Mars 1908). Genève : Imprimerie J. Studer, Rond-point de Plainpalais. 1907, p. 50.

Université de Genève. *Liste des autorités, professeurs, étudiants et auditeurs*. Sémiestre d'hiver 1907-08. (Octobre-Avril). Genève : Imprimerie J. Studer, Rond-point de Plainpalais. 1908, p. 59.

INSA (1982). *Inventar der neueren Schweizer Architektur, 1850–1920*. Band 4. Städte Delémont, Frauenfeld, Fribourg, Genève, Glarus. Gesellschaft für Schweizerische Kunstgeschichte. Bern. 1982, S. 373.

Drawings of a house on a plot owned by N.I. Lvova, the Sorokin heirs at 61 Zabalkansky Ave. and Sofiyskaya str., 1. 1875–1905. 26l. (TsGIA SPb. Collection 513. Inventory 102. Case 5434); Drawings of the house of F. I. Sorokin on Zabalkansky Ave., 61 and Sofiyskaya str., 1. 1917, 20l. (TsGIA SPb. Collection 515. Inventory 4. Case 3393).

Lists of casualties of the 138 infantry Bolkhovsky regiment from 15 Aug to 2 Sep 1914. (updated) https://genrogge.ru/rmbgw_1914-1918/pdf/RMBGW_v.I_add_093-246_part-II.pdf (дата обращения 2020-12-12)

Journal of military operations of the 138th Infantry Bolkhovsky Regiment from July 17 to October 21, 1914, pp. 7–8. (Russian State Military Historical Archive: No. 2752, 138th Infantry Bolkhovsky Regiment. Inventory: No. 2, Regimental Headquarters. Case: No. 79, Journal of military operations of the 138th Infantry Bolkhovsky regiment). <https://gwar.mil.ru/documents/view/?id=51541767> (дата обращения 2020-12-12)

The work book of G. B. Birkhan. p. 8 (CDLA).

The work book of E. B. Birkhan. p. 6 (CDLA).

The plea by A. G. Birkhan (CDLA).

Latvijas ārstu, zobārstu, vecmāšu, aptieku un slimnicu saraksts. . (List of Latvian physicians, dentists, obstetricians, apothecaries and hospitals). Pielikums pie."Vadoņa pa Latviju", i Rīgā. Izd.A. Smidts. 1924, p. 1 (in Latvian).

Latvijas Tirdzniecības un Rūpniecības Adresu grāmata. 1924. gads. Rīga. J.A.Kukurs.1924.

Valdības rīkojumi un pavēles.." (State orders and acts). *Valdības Vēstnesis*, Nr. 186 (19.08.1924), p. 1.

Le Concours médical. Paris. 21 février 1926, p. 424.

Journal officiel de l'Afrique équatoriale française (hereinafter JOAEF). Brazzaville. 01 juin 1925, p. 313.

Bulletin de la Société de Pathologie exotique. 1927, p. 512.

Journal officiel de l'Afrique équatoriale française (hereinafter JOAEF). 15 avril 1926, p. 256.

JOAEF 15 septembre 1929, p. 945.

JOAEF 01 mars 1934.

JOAEF. 1er Février 1937, p. 205.

L'Étoile de l'AEF. Brazzaville. 16 janvier 1932, p. 9.

The Terek calendar for 1898 Vladikavkaz. Tersk region board. 1897, p. 301.

The Terek calendar for 1908. Vladikavkaz. Tersk region board. 1907, p. 7.

Central State Archive. The Republic of North Ossetia-Alania. F. 54. Op. 3. d. 800. l. 10.

TSGIA St. Petersburg. Collection 436. Inventory 4. Case 2357.

Cit. ex Dobronravov, V. G. *Historical and statistical description of churches and parishes of the Vladimir Diocese*. Issue 2: Pereslavsky and Alexandrovsky counties. Vladimir: Typo-lithography of V.A. Parkov, 1895, p. 156.

Terskiye Vedomosti, 1915, January 25, February 4.

Terskiye Vedomosti, 1915, February 27.

Kavkaz, 1915, May 24.

Kavkaz, 1916, September 24.

The State Archive of the Vladimir region. F. R-968. Op. 1. d. 6. l. 62.

Agrarian unrest. *Pereslavets*. 1917. July 31 (No. 11), August 7 (No. 12).

Les femmes du monde entier connaissent cette inconnue. *7 jours 1942*. Paris, p. 12.

Vasiliev A. *Beauty in exile*. Moscow. Slovo. 2008, p. 326.

Serridos J. La jeune fille, qui se fait photographe. *Le Petit journal*. (Paris). 16 juillet 1942.

Certificate issued to I. Krivopatria. November 19, 1925 (CDLA).

Galitzine D. *Le monde des musiciens tsiganes russes à Paris*. Transformation des cadres artistiques et réseaux familiaux dans l'entre-deux-guerres (eds. About I. et Bordigoni M.). *Presences tsiganes: enquêtes et expériences dans les archives*. 2018. P.: Editions Le Cavalier Bleu, p. 324.

Vozrozhdenie. Paris. September 11, 1925, p. 4, col. 2.

Vozrozhdenie. Paris. July 16, 1925, p. 4, col. 2.

Colson M.H. *Idées reçues sur la sexualité féminine*. Paris. Le Cavalier Bleu; 2007, 127 p.

Le Temps. Paris. 13 mai 1930.

Guisse, Amadou Malick. *Bamako: des origines à 1940*. Bamako: s. n., 2010. 111 p.

Schor, Ralph. *L'opinion française et les étrangers en France*, Publications de la Sorbonne, 1985, p. 365.

Bulletin 2008 de l'Association amicale des anciens et anciennes élèves du lycée Molière, 2008, p. 21–22.

Le Petit Marseillais, 15 avril 1933, p. 10.

Budget Local de la Côte d'Ivoire. Projet de budget du service local. 1932, p. 117.

Durand, Yves. *La captivité : Histoire des prisonniers de guerre français 1939–1945*, Fédération Nationale des Combattants Prisonniers de Guerre et Combattants d'Algérie, Tunisie, Maroc, 1980.

INTERENCHERES. Liste client 28.11.15. http://media.interencheres.com/231/2015/11/20/092547_48a87ffa0a639350e5c8538d4cf1e0b3.pdf (accessed 2020-06-26)